
ДЕЛА ДОМА НОМЕР СЕМЬ
Дела дома номер семь
АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Дела дома номер семь

«Автор»
2026

Северина А.

Дела дома номер семь / А. Северина — «Автор», 2026 — (Дела дома номер семь)

В старом доходном доме на улице Дворечной исчезает жилец, которого никто не помнит, кроме управляющей и новой наследницы здания. Частный архивист Вера Лесина открывает расследование, способное изменить судьбы всех владельцев квартир.

© Северина А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Северина
Дела дома номер семь

Глава 1. Ключ под дверью

На улице Дворечной снег уже не белел. Он лежал вдоль бордюров серыми рваными полосами, впитывая бензиновый блеск и мелкий мусор, который ветер выдувал из-под припаркованных машин. Дом номер семь стоял чуть в стороне от дороги, за низкой чугунной оградой, и казался не жилым, а оставленным на время зданием учреждения: два подъезда, высокие окна, выцветшая лепнина над входами. На пятом этаже стекло в одном окне было затянуто картоном.

Вера остановилась у калитки и проверила адрес по бумаге, хотя знала его с детства.

Дворечная, семь.

Ключ от ворот оказался в конверте, который утром выдал нотариус вместе с копией завещания. Маленький, латунный, с квадратной бородкой. На кольце болталась белая пластиковая бирка с чёрной цифрой семь.

— Не потеряйте, — сказал нотариус, протягивая ей конверт. — И ещё раз: право управления не означает право распоряжаться недвижимостью. Сначала нужно оформить акт о жильце, который числится пропавшим.

— Какой акт?

— Именно это вам и предстоит выяснить.

Он говорил спокойно, почти устало, но Вера заметила, как его палец задержался на последней странице дела.

Жилец без свидетельства о смерти, без заявления о выписке, без подтверждённого места проживания. Имя в старой домовой книге было зачёркнуто, рядом стояла дата — 17 августа 2004 года. В графе «выбыл» рукой Нины Савельевны было написано: «не установлен».

После этого нотариус отказался отвечать на вопросы, сославшись на профессиональную тайну и необходимость личного присутствия заинтересованных лиц. Заинтересованным лицом теперь считалась Вера.

Она вставила ключ в замок ворот. Механизм хрустнул, будто внутри застрелилась мелкая косточка, и не повернулся. Вера попробовала ещё раз, сильнее.

— Если давить, он заклинит окончательно.

Голос прозвучал за спиной.

Вера обернулась. У ограды стоял мужчина в тёмной куртке, без шапки, с папкой под мышкой. Возраст она определила не сразу: лицо было моложе, чем усталый взгляд, а в коротких русых волосах уже проступали светлые пряди. Он смотрел не на неё, а на замок.

— Вы кто? — спросила Вера.

— Арсений Лавров. Расследование причин пожаров. — Он показал удостоверение, не поднося его близко. — Пожарная охрана.

— А я думала, пожарная охрана приезжает, когда уже горит.

— Иногда приходится приезжать раньше.

— Тогда вы опоздали лет на двадцать.

Арсений поднял глаза на закопчённую полосу под карнизом. Под снегом она казалась почти чёрной.

— Возможно.

Он забрал у неё ключ, но не вырвал — просто протянул ладонь и дождался, когда Вера сама вложит его туда. Потом прижал дверь плечом, чуть повернул ключ в обратную сторону и толкнул. Замок поддался.

— Старый цилиндр, новый язычок, — сказал он. — Кто менял?

— Не знаю. Я здесь впервые как управляющая.

— Управляющая?

— По наследству.

На лице Арсения ничего не изменилось, только пальцы крепче сжали папку.

— Значит, это вы Лесина.

— А вы заранее проверили?

— Ваша фамилия есть в заявке от нотариуса. А в доме оставили письмо.

Вера нахмурилась.

— Каком письме?

Арсений посмотрел на дверь подъезда.

На мутном стекле, изнутри, кто-то вывел пальцем короткое слово. След уже подсох, буквы расплывались, но прочесть их можно было.

«НЕ ИЩИ».

Вера подошла ближе. Буквы были написаны по пыли, которой здесь не должно было быть: стекло снаружи недавно протёрли, а изнутри его, судя по серым разводам, никто не касался месяцами.

— Это вы сделали? — спросила она.

— Если бы сделал, не стал бы показывать.

— Кто тогда?

— Вот это я и выясняю.

В подъезде пахло мокрой штукатуркой и холодным металлом. Лампа под потолком мигнула, зажужжала и загорелась тусклым жёлтым кругом. Справа тянулась лестница, слева темнела старая шахта лифта, закрытая решётчатой дверью. На стене сохранилась табличка муниципального архива, хотя само учреждение отсюда вывезли после пожара.

Вера провела пальцами по перилам. На ладони осталась пыль.

— Письмо где?

Арсений открыл папку. Внутри лежал прозрачный пакет с листом в клетку. На нём было всего две строки, написанные карандашом:

«Документы вернутся тому, кто назовёт пропавшего. Ключ под дверью».

— Это нашли сегодня утром, — сказал он. — На внутренней стороне двери вашей квартиры.

— У меня здесь нет квартиры.

— Теперь, вероятно, есть.

Вера посмотрела на лестничный пролёт. Откуда-то сверху донёсся негромкий звук — будто по деревянному полу прокатили монету. Он звякнул один раз и замер.

Арсений тоже услышал. Его голова чуть повернулась, но он не двинулся.

— В доме кто-нибудь есть?

— По списку — восемь жильцов. По факту — девять.

— Откуда девятый?

— Нина Савельевна так сказала.

— А вы ей верите?

— Я верю записям. Людям — после проверки.

Он произнёс это без вызова, и Вера неожиданно почувствовала к нему доверие, которого не собиралась испытывать. В его осторожности не было ни показной тайны, ни желания напугать. Только привычка не делать выводов раньше времени.

Сверху хлопнула дверь.

Арсений мгновенно поднял руку, остановив Веру. Они замерли под лампой. Затем послышались шаги — медленные, неровные, с остановкой на каждой ступени.

— Нина Савельевна? — крикнула Вера.

Ответа не было.

Из-за поворота показался Матвей. В одной руке он держал жестяное ведро, в другой — связку инструментов. Увидев сестру рядом с незнакомым мужчиной, он остановился и прищурился.

— А ты чего без предупреждения?

— Это мой дом.

— Пока только на бумаге.

Матвей перевёл взгляд на Арсения.

— А этот кто?

— Лавров, пожарная охрана, — ответил Арсений. — Вы Лесин?

— Бывает.

Он поставил ведро на ступеньку. Вода внутри качнулась и выплеснулась на облупившийся кафель.

— У вас наверху протечка, — сказал Матвей Вере. — И кто-то лазил в старую кладовку. Замок сорван.

Арсений раскрыл папку.

— Где именно?

— В техническом коридоре за вторым подъездом. Там ещё проход к шахте, кажется.

— Кажется?

Матвей усмехнулся.

— Я ремонтами занимаюсь, не экскурсиями.

В этот момент из-за решётки лифта донёсся металлический щелчок. Будто кто-то изнутри повернул ключ.

Все трое посмотрели туда.

На полу перед шахтой, в тонкой полосе пыли, лежал маленький латунный ключ. Такой же, как у Веры, только с привязанным клочком красной нити.

Матвей первым шагнул к нему, но Арсений остановил его.

— Не трогайте.

— Это мой подъезд.

— Уже нет. Это возможное вещественное доказательство.

Вера достала телефон. Экран показывал девять часов семнадцать минут. Она успела сделать снимок, когда в глубине шахты что-то тяжело ударилось о стену.

Арсений медленно приблизился к решётке и посветил внутрь фонариком. Луч выхватил ржавые направляющие, оборванный трос и серую кирпичную стену, которой, по плану дома, там быть не должно.

— Отойдите, — сказал он.

Из щели между стеной и рамой тянуло холодным воздухом. Затем оттуда выпал сложенный вчетверо лист бумаги и скользнул по полу к ногам Веры.

Она не наклонилась. Арсений надел перчатки, поднял лист и развернул.

Вверху стояла дата: 23 августа 2004 года.

Ниже — список жильцов, эвакуированных из дома после пожара. Девять фамилий были отмечены галочками. Напротив десятой строки имя было вырвано вместе с частью страницы, но на оставшемся краю сохранились первые три буквы.

«Лес…»

Арсений поднял взгляд на Веру.

— Вы знали, что в день пожара здесь был ещё один Лесин? — спросил он.

Вера почувствовала, как холод из шахты добрался до пальцев.

— Нет, — ответила она. — В нашей семье об этом никто никогда не говорил.

Арсений не сразу ответил. Он ещё раз поднёс лист к свету, не касаясь пальцами бумаги, и всмотрелся в неровный край разрыва.

— Первые буквы — не доказательство родства, — сказал он. — Даже если фамилия действительно начиналась на «Лес». Это может быть Лесков, Лесной, Лесников.

— В нашем подъезде таких не было, — возразила Нина Савельевна.

Она появилась на верхней площадке, держась за перила. На ней был тёмный шерстяной жакет, застёгнутый не на ту пуговицу, а в руке она сжимала связку ключей. Увидев лист, Нина остановилась.

— Где вы это нашли?

— В шахте, — ответил Арсений. — Точнее, из щели в стене.

Нина побледнела не резко, а словно усталая кожа на её лице медленно потеряла цвет.

Матвей заметил это и перестал ухмыляться.

— Вы знаете, что это?

— Знаю, что бумаги там быть не должно.

— Это не ответ, — сказала Вера.

Нина перевела взгляд на неё. В нём не было привычного раздражения, которым она встречала любые попытки пересмотреть старые записи. Только испуг и какая-то тяжёлая обреченность.

— После пожара многое оказалось не там, где должно, — произнесла она. — Архив выносили в спешке. Часть коробок погрузили в машину, часть оставили во дворе. Ночью пошёл дождь. Утром люди разбирали мокрые папки голыми руками.

— А список?

— Списки составляли пожарные и сотрудники администрации. Потом их сводили в один реестр.

— И этот лист не вошёл в реестр?

— Не знаю.

— Вы хранитель записей о жильцах, Нина Савельевна, — сказал Арсений. Голос его оставался ровным, но стал жёстче. — Вы должны знать.

Нина крепче сжала ключи. Металл звякнул.

— Я знаю, что после пожара одна семья не вернулась.

Вера почувствовала, как в груди сжалось пространство, будто и она оказалась внутри старой шахты.

— Какая?

— Не семья. Один человек.

— Фамилия?

Нина посмотрела на Матвея.

— Не при нём.

— Он мой брат, — сказала Вера. — И имеет отношение к дому не меньше моего.

— Вот именно этого я и боялась.

Матвей шагнул к ней.

— Чего вы боялись? Что я узнаю, где течёт крыша?

Арсений поднял ладонь, не давая разговору сорваться в крик.

— Нам нужно пройти в технический коридор. Вы говорили, что замок сорван, — обратился он к Матвею. — Покажете?

— Покажу.

Он схватил ведро, но Вера остановила его взглядом.

— Оставь. И не трогай ничего внутри.

— Я и не собирался.

— Ты уже собирался поднять ключ.

— А ты собиралась всю жизнь делать вид, что всё контролируешь, — бросил Матвей. — У каждого свои привычки.

Он первым пошёл вверх. Нина осталась возле лифтовой решётки, не сводя глаз с листа в руках Арсения.

— Отдайте мне его, — попросила она.

— После осмотра.

— Это моя запись.

— Сейчас она относится к делу.

— К какому делу? — Нина почти прошептала. — Вы ещё даже не знаете, что произошло.

— Поэтому и выясняем.

За второй дверью, скрытой за выцветшим объявлением о проверке газовых плит, начинался узкий коридор. Матвей отодвинул лист фанеры, прикрывавший пролом в стене. Оттуда пахнуло влажным кирпичом, старой известью и чем-то химическим — резким, похожим на растворитель.

Арсений включил фонарь.

Коридор уходил между стенами дома и шахтой лифта. Вдоль пола тянулись трубы, обёрнутые почерневшей паклей. На кирпичах виднелись свежие царапины. Кто-то недавно протащил здесь тяжёлый предмет: пыль была сдвинута широкой полосой, а на стене остался короткий блестящий след.

— Замок был вот здесь, — сказал Матвей, указывая на металлическую дверцу. — Вчера днём я обнаружил, что дужка перекушена.

Арсений присел, осмотрел край металла, затем достал из папки прозрачный пакет.

— Ножницы или болторез. Но по виду среза время не определить.

— Значит, могли перекусить и сегодня ночью? — спросила Вера.

— Если Матвей не ошибается, уже вчера днём дужка была перекушена. Точнее пока не скажу.

Матвей фыркнул.

— А ключ тогда зачем оставили?

Арсений повернул голову к стене.

— Чтобы мы пошли не туда.

Вера посмотрела на узкий проход. На первый взгляд здесь не было ничего, кроме старых труб и кирпичной кладки. Но теперь она различила в пыли две цепочки следов: один след принадлежал тяжёлой рабочей обуви, другой — обуви с гладкой подошвой. Вторые отпечатки начинались у двери и исчезали у серой стены.

— Здесь кто-то стоял, — сказала она.

Арсений посветил ниже. У стены лежал обрывок синей изоленты. На одном его краю темнело пятно.

— Не кровь, — сразу сказал он. — Ржавчина или краска.

Матвей наклонился ближе.

— Странно. Я вчера здесь убирал. Этого не было.

— Вы уверены?

— Я не настолько беспечный, как тебе хочется думать.

Вера не успела ответить. В глубине коридора раздался короткий скрежет.

Все трое обернулись.

Звук повторился — теперь уже ближе. Будто по кирпичу провели металлическим предметом.

Арсений выключил фонарь и прижал палец к губам. В темноте слышалось только дыхание и слабое гудение проводов. Затем где-то за стеной хлопнула дверца.

Матвей рванулся вперёд, но Арсений удержал его за плечо.

— Не бегите.

— Там человек.

— Или специально оставленный шум.

— Я слышал!

— Именно этого от вас и хотели.

Арсений снова включил свет и направил его в конец прохода. Стена казалась сплошной, однако у самого пола темнела вертикальная щель. Из неё тянуло холодом. На кирпиче белела свежая отметина, похожая на букву «Л».

Вера присела, не касаясь стены.

— Это не буква, — сказала она. — Здесь крепили скобу. След от металла.

— А за стеной что? — спросил Матвей.

Арсений провёл лучом выше и обнаружил заложенный кирпичами проём. Два кирпича были вынуты, затем поставлены обратно. Раствор вокруг них оставался влажным.

— Кто-то вскрывал переход, — сказал он. — И закрыл его совсем недавно.

— Переход должен быть запечатан ещё после пожара, — глухо произнесла Нина из-за их спин.

Она всё-таки вошла в коридор. В руке у неё был небольшой конверт, пожелтевший по краям.

— Что там? — спросила Вера.

— То, что я должна была показать вам сразу.

Нина протянула конверт Арсению, но тот не взял его.

— Сначала скажите, откуда он.

— Его оставил ваш дальний родственник, Михаил Лесин. Три года назад, перед смертью. Он написал, что если вы когда-нибудь станете управлять домом, я должна передать вам документы о жильце, которого не внесли в итоговый список.

— Почему не передали?

— Потому что в письме было сказано: не отдавать, пока вы не получите право управления. Я решила, что это условие меняет всё.

— Вы решили за меня, — тихо сказала Вера.

Нина опустила глаза.

— Да.

Арсений наконец взял конверт. Внутри оказался один лист, сложенный пополам, и фотография, выцветшая по краям. На снимке стоял двор дома после пожара: мокрые стены, пожарная машина, люди в одеялах. На заднем плане, возле грузовика с архивными коробками, виднелся молодой мужчина.

Вера узнала его не сразу.

Потом увидела знакомый разрез глаз и шрам у подбородка.

— Это Михаил, — сказала она. — Но он не был здесь в тот день. Он всегда говорил, что приехал через неделю.

Арсений развернул письмо.

На обороте крупными буквами было написано: «Лесин не погиб. Его вывезли до составления списков».

В ту же секунду снаружи коридора погас свет, и дверь за ними захлопнулась на защёлку. Арсений посветил фонарём на замок и нажал внутреннюю ручку. Защёлка поддалась; все четверо вышли на лестницу, прервав осмотр.

Утром дом проснулся раньше Веры.

Сначала в стене за кроватью коротко вздрогнула труба, потом на лестнице заскрипели ступени, и кто-то дважды ударил дверью подъезда. Вера открыла глаза, ещё не успев вспомнить, где находится, и увидела на стуле тёмное пальто, брошенное вчера поверх сумки. В кармане лежал сложенный лист с записью Михаила.

Она достала его, но читать не стала. За ночь фраза успела обрасти слишком многими смыслами, и каждый казался опаснее предыдущего.

В коридоре пахло мокрой пылью и кофе. На первом этаже Нина Савельевна уже открыла окно, хотя с улицы тянуло ноябрьским холодом.

— Вы спали? — спросила Вера.

— Достаточно, чтобы понять: надо было отдать вам конверт три года назад.

Нина поставила на подоконник кружку и расправила на столе ведомости. Бумага была тонкая, сероватая, с загнутыми уголками. Рядом лежала тетрадь с засохшей коричневой обложкой.

— Это квитанционные журналы за девяносто девятый — две тысячи четвёртый, — сказала она. — Не все. После пожара часть унесли в архив, часть жильцы разобрали по домам. Но номера квартир и лицевые счета кое-где сохранились.

Арсений вошёл без стука. Он держал под мышкой плоскую папку, а в другой руке — два бумажных стаканчика.

— Один без сахара, — сказал он, протягивая Вере стаканчик. — Второй Нине Савельевне. Я не знаю, как она пьёт кофе, поэтому взял обычный.

— Я не пью обычный, — возразила Нина, но стаканчик взяла.

— Значит, сегодня придётся сделать исключение.

Вера заметила на его рукаве след белой пыли.

— Вы снова были в переходе?

— На лестнице возле технической двери. Проверял, откуда мог взяться влажный раствор. Это не вчерашняя кладка. Кирпичи вынули раньше, а потом закрыли поверх старого шва. Вчера добавили только наружный слой.

— То есть кто-то хотел, чтобы мы решили, будто проём вскрыли недавно?

— Или хотел скрыть, что его вскрывали не вчера.

Он положил папку на стол и раскрыл её. Внутри были фотографии стены, замка и пола перед заложенным проёмом. На одной из фотографий возле плинтуса виднелась тонкая полоса серой грязи.

— Это не сажа, — сказал Арсений. — Глина с известью. Такая же в шахте старого вентиляционного канала. Я пока не утверждаю, что человек прошёл через него. Утверждаю только, что след появился недавно.

Нина сжала губы.

— Значит, кто-то всё-таки пользуется переходом.

— Не обязательно, — ответил он. — След мог остаться от материалов, которые переносили через техническое помещение.

— Вы умеете превращать любую улику в три возможных объяснения, — сказала Вера.

— Это полезная привычка, когда не хочется обвинять первого подходящего человека.

Матвей появился через минуту, в рабочей куртке, с рулеткой, торчащей из кармана. Он посмотрел на папку Арсения и нахмурился.

— Если собрались искать призрака, я сначала позавтракаю.

— Мы ищем номера лицевых счетов, — сказала Вера.

— Ещё хуже.

Нина разложила журналы. Чернила на старых страницах выцвели, но записи оставались разборчивыми. Они начали с последнего списка жильцов перед пожаром, затем сверили его с ведомостью эвакуации и журналом оплаты за август.

На третьем подъездном листе Вера остановила палец.

— Квартира двадцать четыре. Здесь фамилия исправлена.

— Все фамилии исправлялись, — сказал Матвей. — После пожара люди меняли документы, адреса.

— Не так.

Она наклонилась к странице. Под верхним слоем чернил проступали более тёмные, почти чёрные штрихи. У последней буквы фамилии виднелся короткий изгиб, который не совпадал с новой записью.

Арсений придвинул лампу.

— Есть увеличительное стекло?

Нина достала его из ящика. Вера осторожно провела линзой над строкой.

— Было написано «Лесин», — сказала она.

В комнате стало тихо.

Матвей перестал крутить рулетку.

— Михаил?

— Инициалы другие. Здесь стоит «Е. Л.», — ответила Вера. — Но фамилия точно Лесин.

Рядом с записью имелся номер квитанции: 24-0817. Вера открыла журнал оплат и нашла тот же номер. Сумма была внесена за три месяца вперёд — до ноября 2004 года, хотя пожар произошёл в августе.

— После пожара никто не мог оплачивать квартиру, — сказал Матвей.

— Мог, — возразила Нина. — Если деньги внесли заранее.

— Кто?

Нина не ответила. Её взгляд остановился на следующей странице.

Там, где должна была стоять подпись, чернила расплывались широким пятном. Но ниже, в графе «принял», сохранилась фамилия дежурного кассира.

— Касса муниципального архива, — прочитала Вера. — Не домоуправление.

Арсений взял телефон.

— Я запрошу копию кассового журнала.

— Запрос займёт время, — сказала Вера.

— Значит, займёт.

В этот момент в дверь постучали. Неуверенно, двумя короткими ударами.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти в мокром пуховике. В руках она держала небольшой жестяной коробок, перевязанный бечёвкой.

— Мне сказали, здесь теперь Лесина, — произнесла она, глядя на Веру. — Вы родственница Михаила?

Вера не ответила сразу.

— А вы кто?

Женщина посмотрела на Нину. Та побледнела так резко, что Арсений шагнул ближе к столу.

— Меня зовут Ольга Ратникова, — сказала посетительница. — Я жила здесь до пожара. Моя мать снимала комнату у человека по фамилии Лесин. Не Михаила. Другого.

Она подняла коробок.

— Вчера под моей дверью оставили это. Внутри лежит ключ и записка, где сказано: «Передайте тому, кто откроет квартиру двадцать четыре».

Матвей выругался вполголоса.

— А где вы теперь живёте? — спросила Вера.

— В соседнем районе. Я не собиралась приходить, пока не увидела фамилию на записке.

Ольга протянула коробок Вере, но Арсений остановил её движением руки.

— Не вскрывайте здесь. Коробок могли трогать после того, как его оставили.

— Вы полицейский? — спросила Ольга.

— Нет. Но знаю, как легко испортить вещь, если открыть её голыми руками.

Он достал из папки чистый пакет, и Вера впервые увидела, что он предусмотрел даже такую возможность. Ольга отдала коробок ему. На крышке, под слоем ржавчины, проступала цифра «24».

Нина отвернулась к окну.

— Я должна была вспомнить её мать, — сказала она. — В комнате двадцать четыре действительно жила семья Ратниковых. Но после пожара в списке остался один человек. Мужчина. Его имя я не внесла.

— Почему? — спросила Вера.

Нина долго молчала.

— Потому что он сам попросил не вносить. Сказал, что если его найдут, пострадают другие.

Арсений медленно поднял взгляд.

— Кто мог найти?

Нина посмотрела на коробок, лежавший в прозрачном пакете.

— Те, кто знал, что в архиве сохранилась настоящая ведомость.

За окном хлопнула ставня. Вера снова посмотрела на строку с вычеркнутой фамилией и поняла, что утром они искали не пропавшего жильца, а человека, который когда-то помог ему исчезнуть.

Утром дождь закончился, но Дворечная оставалась мокрой и серой, будто ночь не успела уйти из двора. Вода стекала по водосточной трубе, срывалась с ржавого козырька и разбивалась о бетон у подъезда. Вера пришла раньше остальных и обнаружила, что входная дверь не заперта.

Она остановилась на первой ступеньке.

Обычно Нина Савельевна запирала подъезд на ночь, а утром открывала его своим тяжёлым ключом, который носила на отдельном кольце. Сейчас замок был повернут, но дверь держалась лишь на пружине. На металлической планке виднелись свежие царапины.

Вера не стала прикасаться к ручке. Достала телефон и сфотографировала замок с разных сторон.

— Правильно делаете, — раздался сзади голос Арсения.

Он поднялся по ступеням, придерживая под мышкой плоскую папку. На нём была та же тёмная куртка, что вчера, только воротник стоял выше, защищая шею от ветра.

— Вы тоже решили, что замок сам открылся? — спросила Вера.

— Я решил, что сначала посмотрю, есть ли на нём следы. А потом уже буду думать, что именно произошло.

— Нина сказала, дверь иногда заедает.

— Заедает защёлка кабинета. Подъездная дверь здесь ни при чём.

Вера отошла, пропуская его к замку. Арсений достал тонкие перчатки и присел на корточки. Он не торопился, осматривал личинку, край полотна, ответную планку. С улицы доносился шорох шин, пахло мокрым железом и землёй из палисадника.

— Следы вскрытия? — спросила Вера.

— Не похоже. Царапины свежие, но это не от отмычки. Скорее, дверь чем-то придерживали, пока открывали изнутри.

— То есть кто-то вошёл своим ключом?

— Или ключом, который не должен был у него быть.

К подъезду подошла Лада Чистякова, держа в одной руке стакан кофе, а в другой — папку с наклеенной жёлтой закладкой.

— Доброе утро, — сказала она. — По вашим лицам вижу, что оно уже не очень.

— Дверь была открыта, — объяснила Вера.

Лада посмотрела на замок, потом на Арсения.

— Вызвать полицию?

— Пока нет, — ответил он. — Ничего не исчезло?

— Мы ещё не проверяли.

— Тогда проверим вместе. Но до этого никто ничего не трогает.

Лада отпила кофе.

— Прекрасно. Я как раз собиралась сказать, что вчера вечером кто-то пытался открыть дверь в двадцать четвёртую квартиру.

Вера резко повернулась к ней.

— Что?

— Моя клиентка с третьего этажа видела человека в коридоре. Не лицо, только спину. Он стоял у квартиры двадцать четыре около десяти вечера. Она решила, что это Матвей.

— Матвей был у себя, — сказала Вера. — Я видела его после того, как мы разошлись.

— Но около десяти он мог выйти. Женщина слышала, как ключ дважды не вошёл в замок, а потом кто-то ушёл вниз.

Арсений поднялся.

— Почему вы сразу не сказали?

— Потому что узнала об этом в семь утра, — сухо ответила Лада. — И потому что сначала хотела выяснить, не видела ли она обычного жильца, который забыл ключ. Не всякий человек в подъезде — преступник.

— Справедливо, — сказал Арсений.

Лада взглянула на него с одобрением, а затем протянула Вере папку.

— Здесь копии жалоб жильцов за последние три месяца. Среди них есть одна странность. Комната двадцать четыре официально числится пустой, но управляющая компания продолжает получать показания счётчика.

Вера открыла папку прямо на ступеньке. На первой странице был напечатан адрес, ниже — таблица с показаниями электричества. Цифры менялись каждый месяц: немного, неровно, без скачков, как при редких посещениях.

— Кто передавал показания? — спросила она.

— В графе стоит «лично». Без фамилии.

— В двадцать четвёртой квартире нет отдельного счётчика, — сказал Арсений. — По крайней мере, если планировка не изменилась.

— Не изменилась, — отозвалась Лада. — Я проверяла технический паспорт.

Вера пролистала страницы. Между жалобой на протечку и заявлением о замене лампы лежал небольшой листок с рукописной пометкой: «Проверить короб в стене у кухни. Сквозняк».

Чернила были выцветшими, но почерк показался Вере знакомым.

— Это Нина записывала? — спросила она.

— Нет, — ответила Лада. — Подписи нет.

Арсений наклонился к листку, не касаясь бумаги.

— Откуда копия?

— Из дела по перепланировке. Его закрыли в 2012 году.

— А кто подавал заявление?

Лада перевернула страницу.

— Ратникова. Ольга Сергеевна.

Вера почувствовала, как холод от мокрого воздуха пробрался под воротник.

— Она говорила, что уехала после пожара.

— Уехала, — сказала Лада. — Но в 2012 году пыталась получить доступ в комнату двадцать четыре, потому что там якобы оставались вещи её матери. Ей отказали: помещение числилось за муниципалитетом.

Арсений посмотрел на дверь подъезда.

— Значит, у нас есть человек, который знал о комнате, пытался туда попасть и вчера получил коробку с ключом.

— И человек, который ночью пытался открыть её замок, — добавила Вера.

— Возможно, один и тот же, — сказал он. — Но пока это только версия.

Из двора донёсся скрип калитки. Все трое одновременно повернули головы.

Ольга Ратникова стояла у мусорных контейнеров, прижимая к груди коричневую сумку. Лицо у неё было усталым, а волосы намокли от мелкого тумана.

— Я не собиралась приходить так рано, — сказала она, подойдя ближе. — Но ночью мне позвонили.

— Кто? — спросила Вера.

Ольга посмотрела на Арсения и словно только теперь заметила его перчатки.

— Мужчина. Голос изменён, будто он говорил через ткань. Он сказал, что если я хочу узнать, кто был в комнате двадцать четыре, должна принести коробку к старой шахте лифта.

Лада нахмурилась.

— Вы принесли её?

— К шахте — нет.

— Где она?

Ольга открыла сумку. Внутри лежал прозрачный пакет, а в нём — тот самый жестяной коробок. Бечёвка была перерезана, крышка приоткрыта.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы открывали его?

— Я не трогала. Он стоял у меня на кухонном столе. Запертая дверь, закрытые окна. А утром крышка уже была поднята.

Арсений взял пакет за край и внимательно посмотрел на коробок.

— Что внутри?

Ольга сглотнула.

— Ключа нет.

Вера взглянула на Ладу, потом на лестницы, уходившие в тёмный подъезд.

Вчера у них был ключ, ведущий к комнате двадцать четыре. Теперь ключ исчез, а тот, кто его забрал, знал о старой шахте лифта и уже побывал внутри дома.

С Ладой и Ольгой они расстались во дворе. К вечеру Вера и Арсений пришли к Нине. Когда обнаружилось, что основная дверь закрыта снаружи, Нина посмотрела на узкий коридор, уходивший за комнату.

— Есть проход в кладовую. Там раньше хранили хозяйственные книги. Но дверь заклинило, кажется.

— «Кажется» — это потому, что вы давно не проверяли? — спросила Вера.

— Потому что последний раз я открывала её лет десять назад. Тогда она ещё поддавалась.

Арсений убрал телефон в карман и прислушался. Из-за стены доносился слабый шорох, будто кто-то провёл ладонью по штукатурке. Вера тоже услышала. Она повернулась к коридору.

— Там кто-то есть?

— Или труба, — сказал Арсений. — Пока не знаем, не называем это человеком.

Он произнёс это без насмешки, как напоминание самому себе. Нина подняла с пола фонарь, но батарея мигала. Вера включила на телефоне фонарик, направив луч в проход.

Коридор оказался уже, чем казался с порога. На стенах темнели прямоугольные следы от снятых полок. У самого пола тянулась полоса пыли, нарушенная несколькими свежими царапинами. Вера присела, не касаясь их.

— Здесь тащили что-то тяжёлое.

— Или двигали ящик, — заметил Арсений.

— Следы идут к кладовой, — сказала Нина. — Там действительно стояли архивные коробки.

— Какие именно?

Нина задержалась, прежде чем ответить.

— Старые ведомости по дому. До пожара. Часть потом передали в муниципальный архив, часть оставили здесь. Я не знаю, что именно осталось.

Вера выпрямилась.

— А вы говорили, что не знаете, где искать записи о жильцах.

— Я сказала, что не знаю, где полная копия. Это не одно и то же.

В её голосе впервые за вечер прозвучала не оправдательная мягкость, а раздражение. Вера ощутила знакомое желание сразу прижать её к точным словам, добиться признания, пока отступать некуда. Она заставила себя промолчать. Нина уже говорила больше, чем прежде, и не потому, что её поймали на лжи, а потому, что сама решила открыть ещё одну дверь.

Арсений провёл лучом вдоль стены. У кладовой обнаружилась деревянная створка, почти неотличимая от обшивки. Ручки не было — только небольшая латунная пластина с круглым углублением.

— Это замок? — спросила Вера.

— Или место для ручки, — ответил Арсений.

Нина протянула руку к углублению, но остановилась.

— Раньше здесь был ключ.

— Где он? — спросила Лада бы, подумала Вера и сама одёрнула себя: Лады здесь не было.

— У меня был один. Но давно потерялся.

Арсений осмотрел пластину, затем нижний край створки. Пыль там лежала неровно. Он посветил сбоку.

— Эту дверь открывали недавно.

— Я не открывала, — быстро сказала Нина.

— Я не спрашивал, кто открывал.

Тишина стала плотной. Вера смотрела на свежую царапину у порога. На дереве осталась светлая полоска — не от старого перекоса. Кто-то поддевал створку инструментом.

— Вы слышали что-нибудь после того, как пришли? — спросила она Нину.

— Только как хлопнула дверь. Потом ваш разговор. А до этого — ничего.

Арсений не стал трогать пластину. Он достал из кармана тонкую линейку, приложил её к щели и осторожно проверил, насколько глубоко уходит край. Створка не сдвинулась.

— Не будем ломать, — сказал он. — Сначала выйдем через основной коридор.

— Основная дверь закрыта, — напомнила Нина.

— Закрыта защёлкой, а не замком. Попробую открыть без повреждений.

— Вы сказали, что защёлка с той стороны.

— Это не значит, что нельзя добраться до язычка.

Он вернулся в комнату и снял с пояса узкий металлический инструмент. Вера осталась у кладовой, разглядывая потёртости на пластине. На её краю виднелось тёмное пятнышко, похожее на засохший воск. Она наклонилась ближе, но не стала проверять пальцем.

— В книге Михаил расписался за что? — спросила она.

Нина не ответила сразу. В комнате зашуршал металл.

— За получение ключа.

— Какого?

— Я не уверена.

— Но в книге стоит его фамилия.

— Там стоит «М. Ратников». Без имени и отчества.

— А вы знаете, что это Михаил?

— Теперь знаю. До сегодняшнего дня не знала, кто именно.

Вера ждала продолжения. Нина провела большим пальцем по краю пустого конверта, который всё ещё держала в руке.

— После пожара приносили много бумаг. Люди подписывали ведомости, когда забирали вещи, когда переселялись, когда получали временные ключи. Иногда подпись ставил родственник. Иногда сосед. В 2004-м мы не всегда успевали проверить документы.

— Значит, запись не доказывает, что ключ получил Михаил, — сказала Вера.

— Нет. Не доказывает.

Это было важное признание, хотя оно не давало ответа. Вера почувствовала, как привычная уверенность в собственной догадке ослабла. Она уже почти связала фамилию, ключ и комнату в одну линию; теперь линия распалась на несколько возможных маршрутов.

— Тогда зачем вы спрятали книгу? — спросила она.

Нина опустила глаза.

— Не книгу. Лист с записью. Я увидела его в папке несколько недель назад. Решила, что если кто-то начнёт требовать комнату, запись используют как подтверждение права на неё. А если права нет, пострадают жильцы, которым сейчас некуда идти.

— Вы решили за них, что им лучше не знать.

— Да.

Нина сказала это просто, без попытки смягчить признание. Вера разглядела в её лице усталость, но не раскаяние напоказ. От этого стало труднее сердиться. Нина не отдавала ей право распоряжаться правдой только потому, что Вера унаследовала управление домом. И всё же именно её молчание могло оставить следы без проверки.

Арсений позвал их из комнаты:

— Подержите свет на замке.

Вера вернулась. Арсений просунул тонкий инструмент в щель и надавил. Раздался негромкий щелчок, но дверь не открылась.

— Ещё раз, — сказала Нина.

— Не торопите механизм, — ответил он.

Он изменил угол, подождал, пока скрипнет труба в стене, и снова нажал. Защёлка поддалась. Арсений медленно потянул ручку, удерживая дверь, чтобы не распахнулась резко. Коридор снаружи был пуст.

Вера первой вышла на площадку, проверила лестницу и вернулась взглядом к двери. На полу у порога темнел след сырой подошвы. Один отпечаток, смазанный в сторону лестницы. Он не позволял определить ни размер обуви, ни направление с уверенностью, но был свежим: вода ещё блестела в углублениях.

— Кто-то уходил отсюда после того, как мы пришли, — сказала Вера.

Арсений присел рядом, не касаясь следа.

— Или прошёл раньше, а влага осталась. Сниму масштаб и сфотографирую. Пока ничего больше.

Нина побледнела.

— Значит, нас слышали?

— Возможно, — сказал Арсений. — Но след не говорит, кто это был и когда он прошёл.

Вера посмотрела на лестничный пролёт. За мутным стеклом окна дрогнула ветка, и на секунду показалось, будто у верхней площадки кто-то стоит. Она моргнула. Там никого не было.

Ни дом, ни старая шахта не объясняли пропавший ключ. Не объяснял его и лист с фамилией Михаила. Но теперь у них были два проверяемых следа: запись в книге и отпечаток у двери. Вера не собиралась подменять одно другим.

Арсений сделал снимки, записал время и попросил никому не наступать на мокрый след. Нина по-прежнему держала конверт в руке, а книгу оставила раскрытой на столе.

— Утром принесите ведомости, которые сохранились, — сказала Вера. — Все, что относится к выдаче ключей и переселению. Не только страницу с Ратниковым.

Нина медленно кивнула.

— Принесу.

— А если вы решите, что лучше не приносить?

— Тогда скажу вам об этом прямо.

Ответ не был обещанием, что она раскроет всё. Но это было обещание не скрывать сам факт выбора. Вера приняла его, не требуя большего.

Арсений записал время обнаружения листа и отметил в блокноте, что бумагу не трогали, свидетелей было трое. Нина смотрела, как он выводит строки.

— Вы всегда так делаете? — спросила она.

— Когда не знаю ответа, стараюсь хотя бы не испортить вопрос.

Она впервые за вечер чуть заметно улыбнулась.

Пока они собирались, Вера ещё раз проверила снимки. На последнем фотография Михаила отражалась в стекле рамки рядом с листом, и казалось, будто он стоит за плечом того, кто расписался. Вера увеличила изображение. Отражение распалось на зернистые точки.

— Нашли что-то? — спросил Арсений.

— Пока нет.

Она убрала телефон. Лист оставался на столе, книга — раскрытой, а дверь — удержанной клином. Но впервые за вечер Вера не ощущала, что дом решает за них, куда идти.

Они направились к выходу втроём, договорившись утром сверить квитанционные номера с сохранившимися ведомостями и не делать выводов до проверки оригиналов.

Вера вспомнила, как ещё до открытия основной двери Нина посмотрела на узкий коридор, уходивший за комнату.

— Там служебная лестница. Выходит во второй подъезд, если дверь не заставлена.

— Проверим, — сказал Арсений. — Вера, не трогай защёлку. Нина, покажите, где именно начинается коридор.

Он говорил ровно, но телефон держал так, чтобы свет падал на пол. Вера заметила: он не стал ни убеждать их, что всё в порядке, ни объявлять, что они попали в ловушку. Просто отделил то, что знали, от того, что предстояло проверить.

Коридор оказался узким, с трубами вдоль стены и дверью в конце. На штукатурке темнели старые потёки. Нина шла впереди, придерживая ладонью стену, будто помнила здесь каждый выступ, но не доверяла собственной памяти.

— Эту дверь после пожара закрыли, — сказала она. — Переход к лестнице шёл за ней. Там раньше хранили архивные коробки.

Арсений посветил на замочную скважину. Вокруг металла виднелись царапины, а на краске — свежий светлый след, словно дверь недавно задели чем-то твёрдым.

— Вы часто сюда заходили?

— Нет. После ремонта почти никогда.

— А кто заходил?

Нина не ответила сразу. Вера услышала в её молчании не попытку придумать ложь, а усилие выбрать точные слова.

— Мастера. Когда меняли трубы. Потом Матвей приезжал смотреть проводку. Это было месяца два назад.

Вера подняла глаза на царапины.

— Ты мне об этой двери не говорил.

— Я не знал, что она ведёт в переход, — отозвался Арсений. — И точно не был здесь два месяца назад.

— Я не про тебя. Про Матвея.

Нина резко повернулась.

— Ваш брат не открывал дверь. Он только проверил щиток у входа. Я была рядом.

Вера удержалась от ответа. Ей хотелось спросить, почему тогда Нина не рассказала о двери сразу, но это был вопрос не к замку и не к следам. Сейчас важнее было понять, есть ли у них выход.

Арсений проверил ручку. Она пошла туго, потом остановилась. Он не стал налегать, а прислушался, поднёс телефон к щели и повёл лучом вдоль пола.

— За дверью что-то стоит. Возможно, ящик. Сначала выясним, что можно сдвинуть.

— Если это архивные коробки, — сказала Нина, — там могут быть документы.

— Тогда тем более не будем выламывать дверь, — ответила Вера. — Но если проход закрыт, нам нужна другая дорога наружу.

Нина отвела взгляд. Вера поймала этот жест.

— Есть ещё что-то?

— В шахту можно попасть из подсобки. Только там лестница короткая, потом площадка. Я не знаю, открывается ли нижний люк.

— А вы раньше оттуда выходили?

— Нет. Никто не должен ходить по шахте.

— Значит, не пойдём, пока не проверим переход, — сказал Арсений. — Сначала откроем дверь настолько, чтобы увидеть препятствие. Без усилия.

Он достал из инструментальной коробки тонкий металлический щуп, но задержал руку.

— Нина Савельевна, вы согласны, чтобы я проверил замок? Если дверь откроется, внутрь не войдём, пока не посмотрим, что там.

Нина кивнула.

— Да. Только не ломайте коробки. Что уцелело после пожара, того и так мало.

Арсений вставил щуп в зазор и едва заметно повернул. За дверью что-то сухо скребнуло. Вера почувствовала, как напряглись плечи. Скрежет повторился — уже ближе к полу, словно предмет сдвинулся на несколько сантиметров.

— Не толкай, — сказала она.

— Не толкаю.

Он убрал щуп и посветил в щель. В тусклом свете показался край деревянного ящика, поставленного на ребро. За ним виднелась полоса пола. Никакой темноты, которая могла бы поглотить звук или скрыть шаги; просто тесный коридор, заставленный чужим хламом.

Нина прижала пальцы к губам.

— Этого ящика не было, когда мы меняли трубы.

— Вы уверены? — спросила Вера.

— Я сама приносила мастерам ключ. Дверь была открыта. Внутри лежали две коробки, но проход оставался свободным.

Арсений сфотографировал щель и положение ящика.

— Значит, кто-то его передвинул. Или поставил позже. Пока это всё, что можно утверждать.

Вера посмотрела на тёмную полоску у нижнего края двери. На краске осталась свежая стружка, а на полу — пыль, сбитая короткими дугами. Ящик не просто поставили: его двигали, стараясь не задеть стену.

— Здесь есть следы обуви? — спросила она.

— На этом полу много пыли и следов. Нужен нормальный свет и фотографии с масштабом.

Арсений убрал руку от двери.

— Вернёмся в комнату. Я проверю защёлку с нашей стороны. Нина, вы найдёте в подсобке план старых помещений или хотя бы ведомость ремонта. Вера, сфотографируй всё, что относится к двери и ящику. Ничего не переставляй.

— А если кто-то запер нас намеренно? — спросила Вера.

— Тогда мы соберём признаки и проверим. Пока у нас есть перекошенная дверь и второй проход, который кто-то загромоздил. Это тревожно, но не доказывает намерение.

Он сказал это без снисхождения. Вера кивнула. Ей не нравилось ждать, пока факты догонят подозрение, но она знала, как легко одно подменить другим.

Обратно в комнате Нина достала связку ключей. Руки у неё уже не дрожали.

— Записи о ремонте лежат в шкафу у окна, — сказала она. — Если ведомость сохранилась, там будет дата и фамилия мастера.

— Вы принесёте её? — спросила Вера.

— Да. И всё, что найдётся рядом.

— Не потому, что я велела?

Нина посмотрела на неё долгим усталым взглядом.

— Потому что я сама не хочу ещё раз решать за жильцов, что им следует знать.

Вера не стала превращать признание в обещание доверять. Но отступила от двери, давая Нине пройти к шкафу первой.

Снаружи кто-то прошёл по лестнице, и половицы отозвались коротким треском. Арсений поднял голову. Они замолчали и прислушались. Шаги удалились наверх; за ними снова остался только гул трубы.

Нина раскрыла шкаф. На нижней полке, за папкой с квитанциями, лежал сложенный план здания, а поверх него — тонкая ремонтная ведомость. Вера узнала синий штамп управляющей конторы, но не стала тянуться к бумагам.

— Сначала сфотографируем, как лежало, — сказала она.

Арсений достал телефон.

— А потом сверим дату с тем, что вы помните. По одному документу выводов не сделаем.

Нина осторожно сняла ведомость и положила на стол, не закрывая план. В этот раз она не спрятала страницу с фамилией мастера и не перевернула её текстом вниз. Вера наклонилась над листом, готовая читать, но остановилась, заметив в графе работ короткую приписку, сделанную другим почерком: «доступ к переходу сохранить».

На лестнице пахло мокрой штукатуркой и холодным железом. Вера задержалась у двери, пока Арсений проверял, что клин не сдвинулся. За ним осталась комната с раскрытой книгой и листом, который никто не решился убрать.

— Утром сюда вернёмся, — сказала она. — Сначала сверим номера. Потом решим, кому и что сообщать.

— И проверим защёлку, — добавил Арсений. — Если она встаёт сама, это неисправность. Если её кто-то подправил — уже другой разговор.

Нина Савельевна поправила на плече сумку. Пустой конверт она так и не выпустила из рук.

— Я могу отнести ключи в домоуправление, — сказала она. — Там останется копия ведомости.

— Не оригинал, — ответила Вера.

Нина опустила глаза.

— Я знаю.

Они спустились на один пролёт. Лестничная лампа горела через ступеньку, и тени от перил ложились на стену кривыми полосами. Вера шла первой, но на площадке второго этажа

остановилась. У окна стоял Матвей. На куртке темнели влажные пятна, будто он только что прошёл под дождём, хотя на улице уже давно не капало.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Вера.

— Ждал тебя. Звонил два раза.

Она достала телефон. Экран показывал пропущенные вызовы, но без звука она их не заметила.

— Что случилось?

Матвей посмотрел на Арсения и Нину, потом снова на сестру.

— В мастерской вскрывали стену в подсобке. Там за старой обшивкой нашёлся кабель. Не тот, что по схеме. Он уходит в перекрытие, к бывшей лифтовой шахте.

Арсений не двинулся, но взгляд у него стал внимательнее.

— Кабель обесточен?

— Проверил тестером. Напряжения нет. Но он не похож на проводку. Толстый, в тканевой оплётке, и на конце что-то вроде плоской скобы. Я не тянул.

— Хорошо сделал, — сказал Арсений. — Где именно вскрывали?

— У меня. На первом этаже, в помещении за мастерской.

Вера посмотрела на дверь комнаты за их спинами. Несколько минут назад они договорились не делать выводов по одному листу. Теперь в здании обнаружился ещё один старый элемент, который мог оказаться обычной частью архива, ремонта или чего-то другого.

— Ты видел, куда он уходит? — спросила она.

— Нет. Только направление. Под обшивкой канал, а дальше всё закрыто.

— Почему ты полез в стену сегодня?

Матвей нахмурился.

— Я не «полез». Снимал прогнившую рейку, которую ты просила заменить. За ней уже держалась плесень.

— Я просила осмотреть стену, не вскрывать её.

— Там рейка сама отошла, Вера. Я не собирался оставить гниль под новой доской.

В его голосе прорезалась знакомая резкость. Вера почувствовала, как внутри поднимается привычное раздражение: он действовал без согласования, а потом приносил ей факт, который становился общей проблемой. Она уже открыла рот, чтобы напомнить о праве управления домом, но поймала себя на этом движении.

— Ты не обязан был звонить мне за разрешением снять отставшую рейку, — сказала она. — Но теперь не трогай кабель. Я хочу увидеть место сама.

Матвей вскинул брови, словно ожидал выговора и не знал, что делать с ответом.

— Ладно.

Арсений перевёл взгляд с брата на сестру.

— До утра там ничего не случится, если помещение закрыть. Доступ туда есть у кого-нибудь ещё?

— У жильцов мастерской запасной ключ, — ответил Матвей. — Но сейчас там всё закрыто.

— Тогда проверим замок, — сказала Вера. — И сфотографируем кабель, не приближая к нему ничего металлического.

— Я уже сделал снимки, — признался Матвей. — С линейкой для масштаба. Не касался.

— Пришли мне оригиналы, не пересылку через мессенджер. И напиши время, когда заметил.

— Ты сейчас говоришь со мной как с подрядчиком?

— Сейчас я говорю с тобой как с человеком, который увидел вещь, о которой мы ничего не знаем.

Матвей помолчал. Потом вынул телефон.

— Пошлю.

Нина Савельевна отступила к перилам, освобождая им проход. Она старалась не смотреть на брата и сестру, но Вера заметила, как пальцы Нины сжались вокруг конверта.

— Вам знакомо, что в стене мог быть такой кабель? — спросила Вера.

— Нет, — ответила та слишком быстро. Затем вздохнула и поправилась: — Я не помню. В старых ведомостях упоминали канал у шахты, но я считала, что это вентиляция. Может, путаю с другим ремонтом.

Арсений достал блокнот.

— Где лежат записи?

— В домоуправлении. Но часть документов после пожара перенесли в районный архив, а часть разбирали по помещениям.

— Значит, завтра сверим то, что сохранилось, — сказала Вера. — Без выводов о назначении канала.

Нина кивнула, но на этот раз не стала обещать то, чего не могла гарантировать.

Матвей закончил отправлять фотографии. Вера открыла полученное изображение и увеличила его. На снимке виднелась тёмная полоса в разломе штукатурки, а рядом — кончик металлической скобы, покрытой серым налётом. Кабель уходил вверх под углом, к месту, где лестничная стена соприкасалась с шахтой.

— На фото этого не видно, — сказал Арсений. — Нужен общий кадр и снимки с двух сторон. Завтра при нормальном свете.

— Я не буду ничего снимать, — сказал Матвей. — Поставлю перед дверью табурет, чтобы никто не зашёл.

— Табурет не замок, — заметила Вера.

Он сжал челюсть.

— Тогда отдам ключ тебе.

На секунду она снова увидела перед собой ту же развилку: принять ключ и получить контроль — или оставить брату право самому отвечать за своё помещение. Вера убрала телефон.

— Оставь ключ у себя. Закрой мастерскую и пришли мне фото двери. Если увидишь, что кто-то пытался войти, звони сразу.

Матвей кивнул. Не благодарно и не примирительно — просто принял решение, которое ему доверили.

Арсений посмотрел на часы.

— Я зайду утром. Сначала проверю защёлку и состояние двери, потом посмотрим стену. Пока эти две находки не связываем.

— Не связываем, — согласилась Вера.

Они вышли на улицу. Грановск стоял в тумане: фонари размывались в нём тусклыми кругами, а окна дома отражали свет так, будто в каждом горела своя маленькая лампа. Вера задержалась у подъезда и взглянула наверх. За стеклом второго этажа шевельнулась тень, но следом в комнате включился свет, и силуэт исчез.

— Жилец? — спросила Нина.

— Не знаю, — ответила Вера.

Она не стала называть это знаком или предупреждением. Завтра им предстояло сверить номера, установить, кому принадлежали записи, и выяснить, что именно скрывалось за стеной мастерской. Пока же было известно только одно: дом хранил не ответ, а ещё один вопрос, и теперь у этого вопроса появились фотографии, время обнаружения и человек, готовый подтвердить, что ничего не трогал.

Утром дом проснулся раньше них.

Вера поняла это, едва вошла во двор: в открытой форточке первого подъезда хлопала неплотно прикрученная рама, из подвала тянуло влажным углём, а на крыльце лежали све-

жие следы — широкие, с глубоким отпечатком каблука. Ночью прошёл дождь, и старый бетон сохранил их лучше, чем любая камера.

Она остановилась, не переступая первую ступень.

— Это не мои, — сказал Арсений за её спиной.

— Я не собиралась спрашивать.

— Но подумала.

— Подумала.

Он встал рядом, посмотрел на следы, затем на дверь подъезда. Замок был закрыт, царапин возле цилиндра не видно. Следы начинались у края навеса и вели к двери, а обратно — исчезали на мокрой плитке, где вода скапливалась у водостока.

— Кто-то приходил после дождя, — сказал Арсений. — Или дождь шёл не так долго, как нам кажется.

— В семь утра дворник уже прошёл?

— Нет. Вон его тележка.

Тележка стояла у мусорных баков, накрытая синей клеёнкой. Дворник, невысокий мужчина в ватной жилетке, заметил их и поднял руку.

— Я ещё не начинал, — крикнул он. — Только ворота открыл.

— Во сколько? — спросил Арсений.

— В пять сорок. Как всегда.

— Кто-нибудь был во дворе?

Дворник пожал плечами.

— Я не считал. В два часа ночи с третьего этажа женщина выходила, ругалась на воду. Потом тихо было.

— Какая женщина?

— Не знаю я. Платок, пальто. В темноте лица не видно.

Вера посмотрела на окна. На третьем этаже горел свет в одной из квартир, и за занавеской стояла неподвижная фигура. Когда она подняла голову, фигура исчезла.

— Вы видели, куда она пошла? — спросила Вера.

— На улицу. А там уже не моё дело.

Арсений присел над следами, не касаясь их.

— Фотографировать будете? — спросила Вера.

— Да. Но сначала проверим, не совпадают ли они с чьей-нибудь обувью внутри. Иначе у нас будет красивый снимок, а не доказательство.

Из подъезда вышла Лада Чистякова, застёгивая на ходу тёмное пальто. В одной руке она держала папку, в другой — бумажный стакан с кофе.

— Вы опять нашли что-то, что нельзя трогать? — спросила она.

— Сегодня пока нашли следы, — ответила Вера.

— Тогда я пришла вовремя.

Лада поставила стакан на перила и достала телефон.

— Нина Савельевна звонила мне в шесть двадцать. Сказала, что вы обнаружили лист с записью «М. Ратников», которую она считает подписью Михаила Рудина.

Вера насторожилась.

— Я не говорила ей, что это подпись Михаила.

— Она сама назвала фамилию.

Арсений выпрямился.

— Откуда она знает?

— Вот это я и собираюсь выяснить. Но сначала — плохая новость. В районном архиве нашли карточку Рудина. В ней указано, что он снялся с регистрации в ноябре 2003 года.

— Это невозможно, — сказала Вера.

— Почему?

— Потому что в ведомости за январь 2004-го он числится жильцом. И его жена получала компенсацию после пожара как член семьи, проживавший в доме.

Лада открыла папку.

— Ведомость я видела только на фотографии. Нужен оригинал. Но в архивной карточке стоит штамп паспортного стола и подпись инспектора. Подделкой это назвать нельзя без экспертизы.

Арсений снова посмотрел на мокрые следы.

— А лист, найденный вчера, датирован декабрём 2003-го?

— Судя по чернилам и форме бланка, — сказала Вера. — Точнее скажет специалист.

— Тогда у нас есть человек, который по официальным данным уже не жил в доме, но продолжал получать квитанции. И чья подпись оказалась в помещении, закрытом снаружи.

— Не торопитесь, — сказала Лада. — Подпись могла быть вписана позже. А карточка могла быть оформлена по заявлению, которое никто не проверил.

— Поэтому мы и сверяем оригиналы, — ответил Арсений.

Вера достала ключи.

— Сначала домоуправление. Нина ждёт нас там.

— И следы? — спросила Лада.

— Их сфотографируйте, — сказал Арсений. — Я зайду через десять минут. Нужно взять измерительную линейку.

— Ты уверен, что десяти минут хватит?

— Нет. Но если уйдём все сразу, тот, кто оставил следы, может решить, что мы заметили больше, чем заметили на самом деле.

Лада кивнула и осталась во дворе. Вера с Арсением прошли в подъезд. На лестнице пахло мокрой штукатуркой. У стены второго этажа лежал кусок старой газеты, принесённый подошвой. Вера машинально наклонилась, но Арсений остановил её жестом.

— Не поднимай. Сначала сфотографируем положение.

— Ты думаешь, это связано?

— Я думаю, что пока не знаю. Это полезнее.

На третьем этаже дверь квартиры с горящим окном была приоткрыта. За ней послышался скрип половиц.

— Здесь кто-нибудь есть? — громко спросила Вера.

Ответа не последовало.

Арсений положил ладонь на кобуру телефона, хотя оружия при нём не было, и толкнул дверь двумя пальцами. В прихожей никого. На полу стоял таз, под ним расплывалось тёмное пятно воды. Из комнаты доносилось радио.

— Не входи, — сказал он.

— Квартира Нины?

— Нет. Нина живёт в первом подъезде.

Вера заметила на вешалке мужскую куртку. С неё капала вода, хотя окно в комнате было закрыто. На подоконнике лежал ключ с длинным плоским лезвием — такой же формы, как ключ от старой технической двери возле шахты.

Из комнаты вышла женщина лет сорока, бледная, с мокрыми волосами.

— Что вы здесь делаете?

— Дверь была открыта, — ответила Вера. — Мы услышали радио.

Женщина посмотрела на ключ на подоконнике и быстро накрыла его ладонью.

— Я сама открыла.

— Мы не обвиняем вас, — сказал Арсений. — Просто хотим понять, кто приходил ночью.

— Никто.

— Дворник видел женщину около двух часов.

— Это была я.

— Вы выходили из дома?

— Да.

— А вернулись?

Женщина молчала.

Вера узнала её: Ольга Рудина. Фамилия стояла на старой табличке в списке жильцов, который Нина хранила отдельно от остальных.

— Вы родственница Михаила Рудина? — спросила она.

Ольга подняла взгляд.

— Его дочь.

— Он действительно снялся с регистрации в 2003 году?

Лицо женщины изменилось. Не страх — усталость, давно привыкшая к чужим вопросам.

— Отец не снимался. Его сняли.

— Кто?

— Нина Савельевна сказала, что так будет лучше. После пожара дом хотели очистить от старых жильцов, оформить комнаты под служебные. Отец отказался уезжать. Потом исчез.

Арсений медленно достал блокнот.

— Когда он исчез?

— В ночь перед пожаром.

Вера почувствовала, как холод от лестничной стены прошёл к плечу.

— Вы говорили об этом раньше?

— Кому? — Ольга усмехнулась. — В протоколе записали, что он уехал к родственникам. У родственников его не было. Мать подписала бумагу, потому что ей обещали квартиру. Обещание не выполнили.

— А этот ключ?

Ольга взглянула на подоконник.

— Отец оставил его мне. Сказал, что за стеной есть проход, но открывать его можно только тогда, когда найдётся его имя в настоящем списке жильцов.

— Вы ходили туда ночью? — спросил Арсений.

— Да.

— В технический переход?

— Дверь заклинило. Я не смогла открыть.

— Почему не сказали вчера?

Ольга впервые посмотрела прямо на Веру.

— Потому что вы пришли с папкой Нины. А я больше не верю людям, которые хранят чужие имена взаперти.

Внизу хлопнула подъездная дверь. Арсений повернулся к лестнице, затем забрал ключ с подоконника только после того, как Ольга сама протянула его ему.

— Мы оформим передачу, — сказал он. — И зафиксируем, что вы отдали его добровольно.

— Не отдаю, — резко ответила Ольга. — Только показываю.

Он вернул ключ.

Вера достала телефон, включила запись и спросила:

— Вы согласны рассказать всё в присутствии Лады?

Ольга долго молчала. Потом кивнула.

— Но сначала покажите мне оригинал ведомости, где отец ещё числится жильцом. Если его имя там есть, я скажу, что видела в переходе.

Арсений закрыл блокнот.

— Значит, теперь нам нужны не только архивные карточки.

Вера посмотрела на ключ, лежавший между ними, и поняла, что утренняя проверка уже изменила цель: они искали подтверждение старой записи, а нашли живого свидетеля, готового говорить лишь в обмен на документ, который много лет прятали от него.

Глава 2. Список отсутствующих

Дверь ударилась о коробку с инструментами, и защёлка с сухим щелчком встала на место.

Вера первой потянула ручку. Та не поддалась. За дверью было тихо; из коридора не доносилось даже привычного гула лампы, только где-то в стене постукивала труба.

— Не дёргай, — сказал Арсений. — Если язычок старый, сломаем.

Он убрал коробку ногой и осмотрел замок при свете телефона. Нина Савельевна стояла у стола, сжимая пустой конверт. Лицо у неё было бледное, но не испуганное — скорее виноватое, будто захлопнувшаяся дверь подтвердила то, о чём она давно подозревала.

— Вы знали, что это может случиться? — спросила Вера.

— Нет. — Нина помедлила. — Но знала, что эта защёлка иногда сама встаёт. Дверь перекосило ещё после ремонта.

— И вы не предупредили.

— Я не думала, что мы будем здесь заперты.

— Мы и не заперты, — отозвался Арсений. Он провёл пальцами по краю двери, нащупывая механизм. — Просто защёлка с той стороны. Есть второй выход?

Нина посмотрела на узкий коридор, уходивший за комнату.

— В архивный проход. Но он завален. Там ещё с пожарных времён всё сложено.

Вера осветила стену. На побелке проступали прямоугольные следы от снятых табличек. В одном месте краска осыпалась, открывая под собой старый слой — тёмно-зелёный, казённый. Помещение прежде принадлежало архиву, и дом, казалось, до сих пор сохранял его планировку в упрямых поворотах коридоров.

— Тогда попробуем открыть дверь, — сказала она. — А потом вы покажете книгу жильцов.

Нина подняла на неё глаза.

— Сейчас?

— Именно сейчас.

В её голосе прозвучало больше резкости, чем Вера хотела. Но письмо Михаила лежало на столе рядом с фотографией, и фраза «Лесин не погиб» словно продолжала звучать в комнате. Если она позволит страху снова превратиться в повод отложить разговор, то весь дом опять будет решать за неё, что ей знать и когда.

Арсений вытащил из кармана тонкую металлическую пластину и осторожно просунул между дверью и косяком.

— Дайте мне минуту.

— Ты носишь с собой отмычки? — спросила Вера.

— Это щуп для обследования конструкций. Но да, понимаю, как выглядит.

Нина нервно усмехнулась, и улыбка тотчас исчезла.

— Книга у меня в нижнем шкафу. Если дверь не откроется, достанем её здесь.

— А ключ?

— У меня. — Она показала связку на запястье. — Только он от наружного замка. Защёлка изнутри не открывается.

Арсений опустился на колено. Вера держала телефон над его плечом. Свет выхватил из щели пыль и тонкую полоску свежей древесины, словно косяк недавно подрезали.

— Здесь не просто перекос, — сказал он. — Края чистые.

Он слегка нажал на пластину. За дверью что-то щёлкнуло, но ручка всё равно осталась неподвижной.

— Кто-нибудь трогал дверь сегодня? — спросила Вера.

— Я закрыла её, когда мы вошли, — ответила Нина. — Обычно она не захлопывается так крепко.

Вера посмотрела на коробки у стены. На одной белела современная наклейка с инвентарным номером. Бумага была целой, не пожелтевшей, а в углу проступала синяя отметка муниципального архива. Значит, ящики перемещали недавно. Кто-то мог заходить сюда после смерти Михаила и до сегодняшнего дня — или сегодня, пока они были заняты фотографией.

Третья попытка Арсения оказалась удачной. Защёлка отступила с металлическим скрежетом. Дверь приоткрылась, и в проём ворвался свет коридорного плафона.

Нина шагнула наружу, но Вера удержала её за рукав.

— Книга.

Домоуправ медленно повернулась к шкафу. Достав связку ключей, она выбрала маленький латунный и открыла нижнюю дверцу. Внутри стояли папки и несколько тетрадей в клеёнчатых переплётах. Нина вынула самую толстую, перевязанную вылинявшей бечёвкой.

— Это не официальная книга, — сказала она. — Я записывала то, что приходило ко мне: кто платил, кто просил отсрочку, кто уезжал. Иногда фамилии в списках были неверные. Иногда людей не вносили вовсе.

— Почему вы раньше о ней не сказали? — спросила Вера.

— Потому что в ней есть сведения о семьях, которые могли потерять квартиры. Я боялась, что любой лист попадёт не туда, и кто-нибудь решит, будто он доказывает право выселить людей.

— Вы не обязаны были отдавать книгу мне без объяснений, — сказала Вера. — Но обязаны были сказать, что она существует.

Нина кивнула. На этот раз не стала искать оправданий.

Они перенесли тетрадь на стол. Арсений запер дверь открытой деревянным клином, чтобы она не захлопнулась снова. Вера развязала бечёвку и осторожно раскрыла переплёт. Страницы пахли сырой бумагой и чем-то сладковатым, вроде старого клея. Почерк Нины менялся: аккуратные строки переходили в торопливые заметки на полях, даты иногда были исправлены, суммы отмечены красным карандашом.

— Вот список жильцов за две тысячи четвёртый, — сказала Нина. — А здесь квитанции. Я переписывала номера платежей, чтобы не потерять.

Арсений придвинул стул, но не сел. Вера сравнивала фамилии. В официальной ведомости, копия которой лежала в папке на столе, жильцов квартиры двадцать три значилось двое. В книге Нины — трое. Третьим был Михаил Лесин.

— Он жил там? — спросил Арсений.

— Временно. Его мать попросила не указывать его в документах. Он приезжал, помогал ей, потом уехал.

— А квитанции?

Нина перелистнула несколько страниц. Между строками о коммунальных платежах обнаружились номера переводов и сумма, которую кто-то вносил за квартиру двадцать три ещё полгода после официального отъезда Михаила. Вера записала номера на листе, не касаясь самой тетради.

— Это может подтвердить, что он оставался в городе, — сказала она. — Но не доказывает, что он был в доме в день пожара.

— Нет, — согласился Арсений. — Нужен источник платежей. И оригиналы.

Нина указала на край стола. Там, под фотографией, лежал небольшой лист, которого прежде не было. Или Вера просто не заметила его в темноте.

Бумага была белой, без следов старения. На ней стояли две строки: «Квартира 23. Оплата принята». Ниже — подпись, угловатая, с характерной длинной чертой под последней буквой.

Вера узнала её по письму Михаила.

Подпись уходила под край листа, будто писавший торопился и не хотел оставлять имени целиком. Длинная черта перечёркивала бумагу до самого сгиба.

Вера не прикоснулась к ней.

— Это не тот лист, который вы достали из шкафа, — сказала она.

Нина Савельевна наклонилась, но остановилась, не дойдя до стола.

— Нет. Я его не видела.

— Тогда как он оказался здесь? — спросил Арсений.

Он посмотрел на клин, удерживавший дверь, затем на коридор. Дверь оставалась приоткрытой; свет горел. Никакой щели, ведущей в другую комнату, Вера не заметила. После короткого замыкания и запертой защёлки происходящее и без того казалось дурным сном, но бумага была настоящей. Она не дрожала от холода и не мерцала, как отражение.

— Никто не входил, — сказала Нина. — Я бы услышала.

— Возможно, лист выпал из книги, — предположила Вера.

— Белая бумага? — Нина покачала головой. — У меня такой нет.

Арсений достал из кармана прозрачный пакет, в котором обычно носил образцы. Пакет оказался слишком мал, и он не стал трогать лист.

— Сначала зафиксируем, где он лежал. Потом посмотрим при свете. Не будем ни поднимать, ни объяснять раньше времени.

Его голос был ровным, однако Вера заметила, как он держит плечи: напряжённо, будто всё ещё ожидал, что дверь захлопнется. Она достала телефон и сделала несколько снимков — общий план, положение листа относительно фотографии и тетради, подпись крупнее. Потом записала время.

— Книга раскрыта, — сказала она. — Страницы не трогаем. Мне нужно понять, почему эта запись появилась рядом с ней.

— Может быть, кто-то хотел, чтобы мы её нашли, — сказал Арсений.

— Это уже версия.

— Да. Поэтому я её не записываю.

Вера взглянула на него. Он не улыбнулся, но в его лице появилась усталая мягкость.

Нина всё ещё стояла у стены, скрестив руки. Слова, которые она удерживала, проступили на лице раньше, чем она заговорила.

— В доме есть ещё книги. Не такие, как эта. Квитанционные талоны из домоуправления. Я хранила их в подвале, пока там не меняли трубы.

— Вы говорили, что сохранили номера платежей, — напомнила Вера.

— Сохранила. Но не всё. В две тысячи четвёртом я переписывала суммы по тем квитанциям, что приносили жильцы. Потом оригиналы складывали в папки. Архив после пожара забрали вместе с остальными документами.

— А талоны из подвала?

Нина опустила руки.

— Я оставила коробку у себя. Не хотела, чтобы её выбросили, когда стали разбирать помещение. Потом испугалась, что её сочтут доказательством незаконного проживания. В квартире двадцать три тогда и правда был человек, которого не внесли в общий список.

— Михаил? — спросила Вера.

— Я не знаю. В те дни я никого не видела там лично. Деньги приносила его мать. Иногда соседка. Я просто записывала.

Это не отвечало на главный вопрос, но отодвигало его от догадки к работе: коробка, талон, номер перевода, имя того, кто принёс деньги. Вера почувствовала, как напряжение внутри меняется. Не исчезает — становится направленным.

Арсений наклонился к книге, не касаясь страниц.

— Номера, которые вы переписали, могут быть из этой серии?

— Не помню. Нужна коробка.

— Где она сейчас?

Нина помедлила. Вера не стала торопить её. Вместо этого убрала телефон и спросила:

— Вы можете показать нам квитанции, не передавая их пока никому?

— Да. Они у меня дома. В шкафу на кухне.

— Тогда пойдём втроём. Сначала посмотрим, что там есть. Никаких оригиналов не изымаем и не копируем без вашего согласия.

Нина удивлённо подняла глаза.

— Вы ведь могли просто потребовать их.

— Могла, — сказала Вера. — Но не хочу, чтобы вы снова решили, будто я уже знаю, что с ними делать.

Нина отвернулась к тёмному окну. За стеклом двор казался пустым, хотя из-за угла донёсся короткий скрип калитки. Вера обернулась. Движения не увидела.

Арсений тоже услышал.

— Там кто-то есть?

— Ветер, — сказала Нина слишком быстро.

— Здесь почти безветренно.

Она не ответила.

Вера опять посмотрела на лист. Свежая бумага, чужая подпись, запись о принятой оплате. Пока что у неё была лишь похожая фамилия и рука, которую она считала знакомой. Но почерк можно было сравнить с письмом, а дату — проверить по другим документам. Она не собиралась превращать совпадение в доказательство.

— Нина Савельевна, когда вы в последний раз были в этой комнате одна?

— Сегодня утром. Проверяла шкаф. Потом запирала дверь.

— Вы приносили сюда какие-то бумаги?

— Нет.

— А кто-нибудь мог иметь второй ключ?

Нина посмотрела на связку в своей руке.

— Раньше — сантехник, когда здесь был склад. Потом замок меняли. Второй ключ должен был быть у управдома до меня. Где он теперь, не знаю.

— Значит, у нас есть ещё один факт, который нужно проверить, — сказала Вера.

Слова прозвучали буднично, и от этого ей стало легче. Она не знала, кто оставил лист, кто оплатил квартиру и почему Михаил оказался на фотографии раньше, чем рассказывал. Но теперь Нина не прятала коробку, а Вера не присваивала чужое решение ради скорости.

Зоя Дмитриевна не улыбнулась. Она сидела прямо, положив ладони на колени, и смотрела на Нину Савельевну так, будто ждала не признания, а точной формулировки.

Нина взяла ручку. Чернила легли на бумагу неровно: первая буква расплылась, потом линия выровнялась.

— Двадцать второго августа две тысячи четвёртого года в двадцать два сорок я была у первого подъезда, — проговорила она, записывая. — В двадцать пять… нет, в двадцать пять уже не была. В двадцать двадцать пять видела Михаила у служебного входа.

— Вы уверены, что это был Михаил? — спросил Арсений.

— Я могу ошибиться в лице. Не в куртке.

— Что на нём было?

— Синяя куртка с серой полосой на рукаве. Рабочая. И ключи на кольце. Он открыл дверь в подвал, хотя я думала, что там уже никого нет.

Матвей коротко взглянул на Веру.

— Это мог быть не подвал, а технический коридор, — сказал он. — Дверь одна, но за ней сначала лестница вниз, потом проход к старой шахте. Я там сегодня был. Капает именно возле стены.

— Вы видели, как Михаил вошёл? — уточнил Арсений.

— Видела. А вышел он или нет — не знаю. Потом начался дым.

Нина поставила точку и подняла глаза.

— Вот это я помню точно. Все спрашивали, кто первым поднял тревогу. А я не сказала, что Михаил был внутри. Потому что его уже считали пропавшим. И потому что если бы подтвердилось, что он вернулся в дом, начали бы искать виноватого среди тех, кто его впустил.

— Вы впустили? — спросила Вера.

— Нет. Ключ у него был свой.

— А второй ключ от двери?

Нина сжала ручку.

— У меня.

Арсений не повысил голоса:

— Где он сейчас?

— Не знаю.

Матвей тихо выругался и отвернулся к окну.

Вера почувствовала, как в ней поднимается привычное желание самой собрать все ответы, разложить их по датам, закрыть разговор до того, как чья-то боль начнёт мешать фактам. Но Нина уже писала. Не пряталась за общими словами, не просила поверить ей на слово. Остановить её сейчас означало бы снова забрать у другого человека право самому выбрать, сколько правды он способен произнести.

— Допишите, что ключ исчез, — сказала Вера. — И когда вы впервые это заметили.

Нина долго смотрела на лист.

— После пожара. Я думала, что его забрал Михаил.

— Но сегодня вы сказали, что не знаете, — напомнил Арсений.

— Сегодня я впервые призналась себе, что могла отдать его другому.

В комнате стало тихо. Даже старый радиатор за стеной перестал постукивать.

— Кому? — спросила Зоя Дмитриевна.

Нина не ответила. Вместо этого встала, взяла связку ключей и направилась к двери.

— Пойдёмте в подвал. Если замок вскрывали недавно, это будет видно.

— Вы уверены, что хотите идти? — спросила Вера.

— Нет, — сказала Нина. — Но уверенность здесь уже двадцать лет ничего не дала.

Лестница вниз пахла сырой штукатуркой и железом. Матвей включил фонарь на телефоне, Арсений шёл первым, проверяя ступени, а Вера замыкала маленькую группу. Зоя Дмитриевна задержалась наверху, но через секунду сердито втянула воздух и спустилась следом.

У двери в подвал Матвей присел на корточки.

— Вот здесь течёт, — сказал он, проведя пальцем по тёмной полосе. — Но вода свежая только с одной стороны. Из трубы не идёт. Значит, собирается в стене.

— В стене за техническим переходом? — уточнила Вера.

— Скорее всего.

Дверь была покрыта несколькими слоями краски. На уровне глаз белело пустое прямоугольное место: латунная пластинка, найденная в архивной комнате, явно когда-то закрывала не этот замок, а табличку. Ниже, у скважины, металл был исцарапан.

Арсений наклонился к замку.

— Повреждение свежее. Краска содрана до серого грунта. Но когда именно это сделали, по виду не скажешь.

— Можно определить точнее? — спросила Вера.

— После фотографии, освещения и осмотра инструментом. Сейчас могу сказать только, что дверь открывали чем-то плоским. Не ключом.

Матвей потянул ручку. Дверь не поддалась.

— Заклинило.

— Не трогай, — остановил его Арсений. — Если внутри следы, ты их раздавишь.

Матвей выпрямился.

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Чтобы увидеть, что она закрыта, — ответил Арсений. — Иногда это тоже результат.

У порога Вера заметила узкую полоску серой бумаги. Она лежала между доской и бетоном, почти полностью скрытая пылью.

— Не двигайтесь.

Все остановились.

Полоска была тонкой, не шире ногтя, с рваным краем. На ней виднелись две синие линии — такие же, как на листе из архивной комнаты. Арсений присел, осветил находку сбоку и достал телефон.

— Фотографирую общий вид. Потом крупный план. Ничего не берём.

Нина смотрела на бумагу, побледнев.

— Это из книги?

— Пока нельзя сказать, — ответила Вера. — Бумага похожа, но этого недостаточно.

— Там написано? — спросила Зоя Дмитриевна.

Арсений увеличил изображение.

— Один фрагмент цифры. Похоже на девятку или на четыре.

Матвей провёл ладонью по волосам.

— За этой дверью раньше был шкаф с аварийными журналами. Его убрали после ремонта. Если кто-то прятал бумаги, место подходящее.

— А если кто-то искал? — спросила Вера.

Никто не ответил.

Из глубины дома донёсся глухой удар. Не громкий — словно где-то наверху закрыли окно. Нина вздрогнула и крепче сжала связку ключей. Зоя Дмитриевна подняла голову.

— Это не ветер, — сказала она.

Арсений уже смотрел на лестницу.

— В доме есть ещё кто-нибудь?

Матвей достал телефон, проверил экран.

— Я видел свет в третьем подъезде, но там жильцы. Сейчас должно быть тихо.

Вера почувствовала, что страх пытается занять место рассуждения. Дом будто подсовывал им звук в тот самый момент, когда появилась бумага. Но звук не был доказательством. Она заставила себя посмотреть на конкретное: закрытая дверь, свежие царапины, полоска бумаги, показания Нины.

— Поднимемся, — сказала она. — Не будем преследовать шум, которого не можем проверить.

На площадке Нина остановила её за локоть.

— Я отдала ключ не Михаилу, — прошептала она. — В тот вечер. За два дня до пожара.

— Кому?

— Мужчине из архива. Он сказал, что ему нужно забрать папку с планами эвакуации.

— Фамилия?

Нина закрыла глаза.

— Я помню только фамилию. Лавров.

Арсений резко повернул голову.

Нина увидела его лицо и сразу отступила.

— Не вам, — сказала она. — Вашему отцу.

Вера посмотрела на Арсения. Он не стал защищать отца и не стал требовать подробностей.

— Тогда завтра утром мы проверим, был ли у него доступ к дому, — произнёс он. — По журналам, а не по памяти.

Нина кивнула и вернулась к столу, чтобы дописать свидетельство. За окном темнел двор, а в пустом окне пятого этажа картон едва заметно шевельнулся от сквозняка. Теперь у них было уже не одно совпадение, а цепочка фактов, которую предстояло проверить по документам.

Арсений взял фонарь у Матвея и первым направился к подвальной двери. На ней стоял новый врезной замок с двусторонним цилиндром; на блестящей накладке тянулась тонкая царапина. Вера помнила, что ещё утром дверь закрывалась на старый железный крючок.

— Кто менял? — спросила она.

Матвей пожал плечами.

— Не я. Я только собирался поставить нормальный замок. Старый заедал, но его можно было открыть отвёрткой.

— А этот?

Арсений присел, осмотрел цилиндр, не касаясь его руками.

— Установили недавно. Но у скважины — те самые свежие повреждения: дверь открывали плоским предметом, не ключом.

— У Нины Савельевны есть? — спросила Вера.

Нина, оставшаяся у стола, подняла связку ключей. В ней звякнули десятки одинаковых, потемневших от времени заготовок.

— От этого нет. Я не просила менять.

Матвей выругался вполголоса.

— Значит, кто-то решил, что подвал теперь его личная территория.

— Или кто-то хотел, чтобы мы так подумали, — сказала Лада.

Она появилась в дверях почти бесшумно, сняла перчатки и стряхнула с плеча мелкие снежинки. На улице уже темнело, хотя часы показывали только начало шестого. Её взгляд сразу остановился на листе, который Нина писала, наклонившись над столом.

— Я принесла копии квитанций, — сообщила Лада. — Но, судя по лицам, вы нашли нечто более интересное, чем переплату за отопление.

— Нашли новую дверь, — ответил Матвей.

— Тогда сначала выясним, кто имеет право её закрывать.

Лада достала телефон, включила камеру и сфотографировала замок с разных сторон. Арсений тем временем проверил петли.

— На двери краска свежая, — сказал он. — Но не сегодняшняя. Слой успел схватиться. Максимум несколько дней.

— После того как мы начали спрашивать про архив? — Вера почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. — Слишком удобно.

— Удобство не доказательство, — напомнил Арсений.

— Я знаю.

— Ты знаешь. Но уже строишь вывод.

Вера повернулась к нему.

— А ты снова защищаешь неизвестного человека.

— Я защищаю порядок проверки. Это разные вещи.

На мгновение между ними возникло напряжение, плотное и неприятное, как запах сырости в лестничной клетке. Вера первой отвела взгляд. Она понимала, что Арсений прав, и именно поэтому его слова задели сильнее.

Лада присела возле замка.

— Есть ещё одна деталь. Видите потёртость на косяке? Дверь раньше открывалась наружу. Теперь её перевесили, и она цепляет пол. Значит, замок меняли не просто так. Хотели ограничить доступ или скрыть, что дверь регулярно открывают.

Матвей провёл пальцами по стене рядом с косяком.

— Здесь кабель идёт. Старый, ещё с ремонта две тысячи пятого. Если внутри есть щиток, можно обесточить замок.

— Не трогай, — одновременно сказали Вера и Арсений.

Матвей усмехнулся.

— Я уже понял. С сегодняшнего дня я человек, которому нельзя давать отвёртку.

— С сегодняшнего дня ты человек, который должен сначала сообщать, что собирается делать, — ответила Вера.

— А ты с сегодняшнего дня человек, который спрашивает разрешение даже у собственной тени?

— Матвей.

Он замолчал, но не отступил.

Нина Савельевна дописала строку и поставила точку. Рука у неё дрожала так сильно, что чернила расплылись.

— Я не помню, чтобы меняли замок, — сказала она. — Но помню другой.

— Какой? — спросила Вера.

— На архивной комнате. После пожара. Его поставил Михаил. Сказал, что это временно, пока бумаги не разберут.

Вера посмотрела на связку ключей.

— А ключ от него у вас был?

Нина кивнула.

— Я отдала Михаилу.

— Вы говорили, что отдали ключ мужчине из архива, — резко заметил Арсений. — Это был тот же ключ?

Нина закрыла глаза, будто пыталась рассмотреть давно стёртую сцену.

— Нет. Другой. От технического прохода.

Тишина стала тяжелей.

— В доме был технический проход? — спросила Лада.

— Между архивной комнатой и старой шахтой лифта, — ответила Нина. — Его заложили после пожара. Не совсем заложили… сделали стену, чтобы жильцы не ходили туда. Там трубы проходили, вентиляция. Я не знаю, сохранился ли он.

Матвей сразу посмотрел на стену за лестничным пролётом.

— Если проход за ней, влажность оттуда может идти к щитовой.

— Мы не будем вскрывать стену, — сказала Вера.

— Я и не предлагал.

— Ты только что посмотрел на неё так, будто уже выбираешь перфоратор.

— Потому что она пустая.

Арсений подошёл к стене, постучал костяшками по штукатурке. Звук в двух местах был глухим, дальше — звонким.

— Пустота здесь действительно есть, — сказал он. — Но это может быть старая ниша, а не проход.

Вера почувствовала, как дом снова подталкивает их к версии, которая казалась слишком красивой: скрытая дверь, исчезнувшие бумаги, человек, приходящий ночью. Она заставила себя вернуть внимание к столу.

— Нина Савельевна, вы написали, кто в тот вечер получал ключ?

— Не имя. Только время и номер помещения.

Вера взяла лист. Под неровным почерком стояли две строки:

«20 августа 2004 года. 21:40. Технический проход. Ключ выдан для проверки эвакуационных схем».

Ниже Нина приписала:

«Вернули не мне».

— Кому вы его передали? — спросила Вера.

— Отцу Арсения Лаврову.

— Вы уверены?

— Теперь — да.

— Это он представился сотрудником архива?

— Да. А Михаилу я отдала другой ключ.

Лада разложила на столе свои копии. Квитанции были старые, с выцветшими печатями, некоторые сохранились только на половину листа.

— Посмотрите сюда, — сказала она. — В официальной книге за ноябрь две тысячи четвёртого года Михаил Лесин уже отмечен как выбывший. Дата — третье ноября. Но в квитанции за коммунальные услуги стоит его фамилия, и оплата проведена шестого.

Матвей нахмурился.

— Он мог заплатить заранее.

— Мог, — сказала Лада. — Но подпись получателя стоит не его. Вот здесь.

Вера наклонилась над листом. Внизу, под суммой, была короткая размашистая подпись: «М. Лесин».

— Это не его почерк, — произнесла она.

Матвей взял квитанцию, поднёс к свету.

— У Михаила буква «М» была угловатая. А здесь первая дуга круглая.

— Это пока только сравнение на глаз, — предупредил Арсений.

— На глаз я его двадцать лет знал.

Лада достала ещё один документ и положила отдельно от копий.

— А вот подлинная ведомость жильцов за декабрь. Михаил числится отсутствующим, но напротив его фамилии стоит отметка о получении уведомления. И подпись датирована сегодняшним числом.

Вера подняла голову.

— Сегодняшним?

— Именно. Посмотрите: число рядом с подписью совпадает с текущей датой.

Вера придвинулась к столу, не касаясь листа. Среди старых записей эта дата сразу притягивала взгляд.

Нина Савельевна медленно встала.

— Этого не может быть.

— Документ лежал в вашей книге? — спросила Вера.

— Нет. Я его никогда не видела.

Арсений осторожно взял ведомость за край.

— Чернила возле подписи выглядят ярче, чем в остальных записях.

— Значит, поставлена недавно? — спросила Вера.

— Возможно. Но одной яркости мало. У нас оригинал, его можно исследовать: бумагу, чернила, порядок нанесения записей. А пока мы видим только подпись и дату рядом с ней. Когда их поставили на самом деле, ещё предстоит установить.

Нина отступила от стола.

— Я не ставила её.

Никто не обвинил её, но она всё равно подняла ладони, словно закрываясь.

— Я не сказала, что ставили вы, — спокойно произнесла Лада. — Мы пока вообще ничего не утверждаем.

За стеной вдруг щёлкнуло. Потом в подвале погас свет.

Зоя Дмитриевна резко втянула воздух. Матвей выругался и нащупал телефон. Только фонарь Арсения остался белым пятном в темноте.

— Никто не двигается, — сказал он.

Из-за запертой двери донёсся металлический скрежет. Один раз. Второй. Будто ключ медленно проворачивали в замке с другой стороны.

Вера почувствовала, как холод проходит по спине, но голос её прозвучал ровно:

— Дверь никто не открывает.

Скрежет прекратился.

Арсений направил луч на замочную скважину. Внутри блеснул металл, затем что-то мягко упало на пол за дверью.

— Там кто-то есть? — прошептал Матвей.

Арсений не ответил. Он присел и осторожно просунул под дверью тонкую линейку, которой Лада обычно пользовалась для осмотра документов. Через несколько секунд вытянул её обратно.

На конце лежал маленький латунный жетон.

Вера узнала его не сразу. На одной стороне сохранилась цифра семь, на другой — буква «А».

Нина Савельевна побледнела.

— Это не от замка, — сказала она. — Это бирка от архивных ключей.

Арсений поднялся.

— Тогда кто-то только что оставил нам вещь, которая не должна была находиться за этой дверью.

— Или хотел, чтобы мы так решили, — напомнила Вера.

Он посмотрел на неё и впервые за вечер едва заметно улыбнулся.

— Вот теперь ты говоришь правильно.

Матвей включил аварийный фонарь на телефоне. На стене проступила тень двери, замка и их собственных фигур. Вера убрала ведомость в прозрачный пакет, а затем сфотографировала жетон, прежде чем Лада запечатала его отдельно.

— Сегодня вскрывать не будем, — сказала Вера. — Сначала вызовем независимого слесаря, составим акт и проверим, кому принадлежит доступ. Бумаги — в сейф. Оригинал ведомости никому не отдаём.

Нина молча кивнула.

Когда они поднялись на первый этаж, Вера ещё раз посмотрела на дату, выведенную свежими чернилами рядом с именем Михаила Лесина. Теперь у исчезнувшего человека было не только место в старой книге, но и подпись, поставленная в день, когда он никак не мог прийти в дом.

Арсений взял фонарь и первым направился к лестнице.

— Только не все сразу, — сказал он. — В подвал пойдут двое. Остальные останутся здесь.

— Я пойду, — немедленно отозвался Матвей.

— А я? — Лада подняла брови.

— Вы будете фиксировать то, что мы найдём. Вера — со мной.

— Почему Вера? — Матвей нахмурился.

— Потому что это её дом и её документы. И потому что она заметит на бумаге больше, чем мы заметим на стене.

Матвей хотел возразить, но промолчал. Вера видела, как он сжал челюсть. Ему не нравилось, когда Арсений распределял роли, однако спорить сейчас было не о чем.

Нина осталась за столом. Она сидела, наклонившись над чистым листом, и держала ручку так, будто это был медицинский инструмент, способный причинить боль одним неверным движением. Зоя Дмитриевна пристроилась рядом, следя за ней молча. Лада включила диктофон и положила его на край стола.

— Запись ведётся с вашего согласия, — сказала она. — Вы можете остановиться в любой момент.

— Если я остановлюсь, опять испугаюсь, — ответила Нина. — А потом ещё двадцать лет буду вспоминать, что не сказала.

Вера задержалась на ступеньке.

— Мы вернёмся быстро.

— Не обещайте, если не знаете, — сказала Нина, не поднимая головы. — Я всю жизнь слышала такие обещания.

Матвей и Лада, вопреки распоряжению Арсения, тоже направились вниз. В подвале воздух оказался влажнее, чем наверху. Аварийный свет горел через один плафон, и между серыми пятнами освещения лежали плотные полосы темноты. На трубах блестели капли. Где-то за стеной равномерно гудел насос.

Дверь, у которой они нашли жетон, была заперта. Арсений направил луч на замок.

— Не трогать, — сказал он Матвею, когда тот уже протянул руку к ручке. — Сначала фотографируем.

Лада спустилась следом, держа телефон обеими руками. Вспышка отразилась в потёках краски и на секунду осветила длинный коридор, ведущий к запертой двери.

— На планах этого прохода нет, — сказала Вера.

— На современных — нет, — ответил Матвей. — В старом техническом плане он обозначен как кабельный канал. Только шириной в метр.

— В кабельный канал не ставят обычный сувальдный замок, — заметил Арсений.

Он присел, не касаясь двери, и провёл светом вдоль порога. На пыльном бетоне проступали два свежих следа: узкая дуга возле замка и короткая царапина у левой петли.

— Дверь открывали недавно, — сказал он.

— После того как мы ушли? — спросила Вера.

— Возможно. Но это не доказывает, что открывали именно сегодня. Пыль могла осыпаться от вибрации.

Матвей фыркнул.

— Вибрация не оставляет на бетоне металлическую стружку.

Он указал на серую крупинку у порога. Арсений наклонился ближе, но не стал поднимать её.

— Лада, снимите крупным планом.

— Уже.

— Из чего стружка? — спросила Вера.

— Пока не знаю. Похоже на латунь или мягкую сталь. Возьмём образец после вскрытия, при понятых.

— Если вскрывать будем, — напомнила Лада.

Арсений посмотрел на неё.

— Верно. Я снова тороплюсь.

Это признание прозвучало спокойно, без привычного раздражения человека, которого поймали на неточности. Вера отметила его и почему-то почувствовала, как внутри ослабевает натянутая струна.

Она достала из папки схему подвала, найденную в старом деле о капитальном ремонте.

— Здесь должен быть щиток, — сказала Вера, показывая на выцветшую отметку. — Между этой дверью и шахтой.

— Должен, — повторил Матвей. — Но его перенесли после пожара.

Он прошёл вдоль стены и остановился у металлического шкафа, закрытого на простой крючок. На дверце сохранилась облупившаяся надпись: «А».

Арсений посветил на крепление. Бирки не было. Осталась только свежая светлая полоса на ржавом металле и два чистых отверстия.

Матвей присвистнул.

— Вот тебе и архивный ключ.

— Не трогай, — одновременно сказали Вера и Арсений.

Матвей поднял руки.

— Я уже понял.

Вера сделала несколько фотографий. На нижней части шкафа виднелись капли воды, а рядом — отпечаток подошвы. Не полный, лишь носок ботинка, вдавленный в пыль.

— Размер можно определить? — спросила она.

— Примерно, — ответил Арсений. — Но это не след человека. Это след обуви. Не будем строить из него личность.

— А если обувь принадлежит кому-то из тех, кто сейчас наверху?

— Тогда тем более нельзя делать выводы без сравнения.

Матвей отвернулся к стене, будто именно к ней обращался раздражённый взгляд.

— Вы оба говорите так, будто у нас здесь преступление века.

— У нас здесь подделанная запись, закрытый доступ, вырванная страница и свежая подпись человека, который исчез двадцать лет назад, — сказала Вера. — Этого достаточно, чтобы не наступать друг другу на следы.

Он хотел ответить, но в этот момент из-за двери донёсся короткий глухой удар.

Все замерли.

Удар повторился — слабее, будто внутри что-то упало на пол.

Лада медленно опустила телефон.

— Это мог быть насос?

— Насос находится в другом крыле, — сказал Матвей.

Арсений поднял ладонь. Все замолчали. За дверью слышалось только урчание труб, затем едва заметное поскрипывание. Не шаги. Скорее движение металла, который остывал после нагрева.

Он достал телефон и набрал номер.

— Слесарь? — спросила Вера шёпотом.

— Нет. Дежурная часть. Зафиксирую, что обнаружен несанкционированный доступ в техническое помещение. Не буду утверждать, что там кто-то есть.

— Правильно, — сказала Лада.

Он отошёл на несколько шагов и коротко сообщил адрес, описал замок, жетон и следы. Диспетчер, судя по паузам, задавал вопросы. Арсений отвечал без лишних слов. Когда разговор закончился, он убрал телефон.

— Наряд приедет через сорок минут, — сказал он. — До этого ничего не вскрываем.

— А если тот, кто там, уйдёт? — Матвей посмотрел на дверь.

— Если кто-то там есть, он уже слышал, что мы вызвали полицию. А если его нет, мы не будем разрушать следы ради тревоги.

Вера присела у порога, стараясь рассмотреть пространство под дверью. Между нижним краем и бетоном оставалась узкая щель. Никакого света. Только тёмная пыль и тонкая полоска воды, стекавшая изнутри.

— Вода появилась недавно, — сказала она. — Она идёт наружу.

Матвей посмотрел на трубы.

— Значит, внутри может протекать стояк.

— Или там открыли вентиль, — предположил Арсений.

— А жетон тогда зачем?

— Чтобы мы подумали о ключе.

Вера поднялась.

— Или чтобы мы подумали, что нас хотят заставить так думать.

Арсений взглянул на неё.

— И что это меняет?

— Меняет порядок вопросов. Если жетон оставили намеренно, человек знал, что мы его найдём. Если случайно — он выпал при открывании. В обоих случаях нужно выяснить, откуда его сняли и кто имел доступ к шкафу.

Матвей вдруг присел возле стены напротив двери.

— Здесь царапины.

Он посветил телефоном. В пыли виднелась тонкая цепочка следов, уходившая под старую деревянную полку. Матвей осторожно отодвинул её на несколько сантиметров. Под полкой лежал обрывок плотной серой бумаги.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Не трогай.

Матвей замер.

Лада поставила рядом линейку и сфотографировала находку. Арсений надел перчатки, достал пинцет из аптечки и только после этого вытащил бумагу.

На ней сохранились три строки. Верхняя была испачкана водой, средняя разорвана пополам, а в нижней читалось:

«…передать до 23.00, лично…»

Под фразой сохранился лишь обрывок подписи — слишком короткий, чтобы понять, принадлежала ли она Михаилу. В углу виднелся фрагмент номера: «7-А».

— Это не часть ведомости, — сказала Вера. — Бумага другая.

— Служебная записка или накладная, — предположил Арсений. — Нужно сушить естественным способом. Никаких батарей.

Матвей смотрел на обрывок с таким выражением, будто узнавал его.

— Что? — спросила Вера.

— Я видел такие бланки у отца. Старые архивные требования на выдачу коробок. Серые, с красной полосой по краю.

— Ты уверен?

— В цвете — нет. В размере — да.

Арсений аккуратно поместил находку в прозрачный пакет.

— Теперь у нас есть ещё один документ, который нельзя читать как готовый ответ. Завтра передадим на исследование вместе с ведомостью.

— Завтра? — Матвей резко выпрямился. — А сегодня будем просто сидеть и ждать?

— Сегодня мы сохраним то, что осталось, — ответила Вера.

В этот момент сверху донёсся голос Нины Савельевны:

— Вера! Идите сюда. Я вспомнила фамилию.

Они поднялись по лестнице. Нина стояла у стола, бледная, но уже не растерянная. Перед ней лежал лист, исписанный мелким, плотным почерком. Внизу стояла дата и подпись.

— Чью фамилию? — спросила Вера.

Нина посмотрела на дверь, за которой остались подвал и запечатанный пакет.

— Не того, кто исчез, — сказала она. — Того, кто в ту ночь получил второй ключ.

Она развернула лист к ним.

— Евгений Краев. Заместитель заведующего архивом. После пожара его перевели в городской фонд, а потом он уехал. Я думала, что он умер. Но три месяца назад он приходил сюда.

— Вы видели его? — спросил Арсений.

— Нет. Слышала, как он говорил с кем-то в подъезде. Голос узнала. Он спросил, сохранился ли журнал выдачи ключей.

Лада медленно выдохнула.

— Почему вы не сказали раньше?

Нина посмотрела на Веру.

— Потому что он назвал имя Михаила. И сказал, что если я открою старые книги, людей из этого дома начнут выкидывать по одному.

В комнате стало тихо. Даже насос за стеной будто приглушил своё гудение.

Вера взяла лист, но не стала убирать его в папку.

— Вы готовы повторить это при полицейских?

Нина закрыла глаза. На её лице прошла усталость, похожая на боль.

— Да. Только сначала запишите всё как есть. Без того, чтобы делать из меня виноватую или святую.

— Так и будет, — сказала Лада.

Арсений посмотрел на часы.

— До приезда наряда у нас есть время составить опись и проверить, кто сегодня входил в дом. Но фамилию Краева пока не публикуем и никому не предъявляем. Нам нужно подтверждение: архивные записи, подпись, маршрут, возможно, адрес.

— А если он уже здесь? — спросил Матвей.

Вера взглянула на тёмное окно лестничной площадки. За стеклом падал снег, и картон на пятом этаже снова едва заметно дрогнул.

— Тогда он знает, что мы нашли не всё, — сказала она. — А мы знаем, что он оставил слишком много следов.

Нина поставила подпись под своим рассказом и отодвинула лист к Вере.

Впервые за этот вечер она не пыталась спрятать написанное ладонью.

Арсений первым спустился к подвальной двери. Вера задержалась на площадке, пока Нина бралась за ручку пера. Бумага перед ней была чистой, и от этого Нина выглядела растеряннее, чем перед раскрытой книгой жильцов.

— Не по памяти подряд, — сказала Вера. — Сначала то, что вы видели сами. Потом то, что слышали. Если в чём-то не уверены, так и напишите.

— Я знаю, как заполнять объяснения, — отозвалась Нина, но без прежней резкости.

— Знаете. Я просто не хочу, чтобы потом кто-нибудь принял догадку за факт.

Нина опустила глаза и вывела дату.

Матвей уже ждал у двери подвала. Рядом стояла Зоя Дмитриевна, опираясь на трость. Она не смотрела на Нину; её внимание было приковано к узкой щели под дверью, откуда тянуло холодом и влажной известью.

— Щитовую не вскрываем, — напомнил Арсений. — Только осматриваем крепление и место, где была бирка. Ничего не снимаем.

Матвей поднял ладони.

— Я здесь не с инструментом, а с термосом. Инструменты остались наверху.

Он посмотрел на сестру, будто хотел добавить что-то, но Вера уже присела возле дверного косяка. На его внутренней стороне, под слоем серой краски, обнаружился след от металлической скобы: две короткие параллельные царапины и круглая вмятина между ними.

Арсений включил фонарь, не касаясь стены.

— Похоже на крепление, — сказал он. — Но само по себе оно ничего не доказывает.

— И здесь свежая пыль, — заметил Матвей.

Он показал на нижний край косяка. Узкая полоса была чище остального, словно недавно провели ладонью или предметом. Вера выпрямилась и посмотрела на дверной замок. Царапин вокруг скважины не было. На петлях тоже.

— Кто имеет ключ? — спросила Лада, спускаясь следом.

— Нина Савельевна, я, Матвей, аварийная служба и управляющая организация, — перечислила Вера. — Полиция получит доступ при необходимости. Других копий я не знаю.

— Но ты не можешь знать, если их делали до тебя, — сказала Лада.

Это прозвучало не обвинением, а границей, которую Вера сама давно собиралась провести. Она кивнула.

— Да. Поэтому в акте укажем именно так: известные мне ключи. Не все существующие.

Зоя Дмитриевна вдруг подалась к двери.

— Тут раньше висела жестяная табличка, — произнесла она. — Не на косяке. На стене, чуть выше. К ней подходили, когда дежурный принимал смену.

— Что на ней было написано? — спросил Арсений.

— Ничего особенного. Номер щитка и две буквы. Я тогда думала, что фамилия. Теперь не уверена.

— Вы видели эту табличку во время пожара?

— Не во время. После. Когда уже пускали по одному за вещами. Я пришла за лекарствами для мужа. Внизу пахло мокрой золой, хотя сам пожар был не здесь. Муж ещё говорил: «Если так пахнет, значит, вода добралась до проводки». — Она крепче сжала трость. — Он электриком был. Умер через три года. А я всё это время считала, что табличка была на щитовой.

Арсений взглянул на вмятину.

— Воспоминание может быть точным, а место — нет.

— Я не просила меня убеждать.

— Я не убеждаю. Я фиксирую предел того, что мы знаем.

Зоя Дмитриевна помолчала, потом кивнула. Вера заметила, что Арсений не потянулся ни к блокноту, ни к её руке. Он оставил старухе право решить, продолжать ли.

Сверху послышались шаги. Лада обернулась. В проёме показался мужчина в тёмном пальто с папкой под мышкой. Вера узнала его не сразу; лицо было знакомо по фотографии, но там он выглядел моложе, стоял возле архивного грузовика, щурясь от вспышки.

— Евгений Краев, — сказала Нина за их спинами.

Она спустилась всего на несколько ступеней и теперь держалась за перила. В одной руке она сжимала лист со своим объяснением.

Мужчина остановился. Его взгляд скользнул по Нине, затем по Вере и задержался на Арсении.

— Я пришёл не к вам, — сказал он. — Мне нужно поговорить с домоуправом.

— Тогда говорите здесь, — ответила Лада. — При свидетелях. И не просите никого отдать вам документы.

Краев усмехнулся, но в улыбке не было уверенности.

— Я ничего не собираюсь забирать.

— Вы спрашивали журнал выдачи ключей, — произнесла Нина. Голос у неё дрогнул, однако она не отвела взгляда. — Три месяца назад. И назвали Михаила.

— Я спросил, сохранился ли журнал. Это не преступление.

— Вы сказали, что людям придётся уехать, если я открою книги.

— Я сказал, что старые бумаги могут создать проблемы. Это не угроза.

Арсений шагнул так, чтобы Краев не оказался между ними и дверью, но не преградил ему путь.

— Мы зафиксируем ваши слова отдельно. Сейчас уточните: вы приходили в дом три месяца назад?

— Да. К Нине Савельевне.

— В какое время?

— Не помню.

— Кто ещё был рядом?

— Никого.

— А Михаил?

Краев отвёл взгляд к подвальной двери.

— Я не видел Михаила.

Вера почувствовала, как в кармане оттягивает телефон. Можно было включить запись, но Лада уже держала свой аппарат на виду, предупредив об этом. Нина сжала лист обеими руками.

— Вы получили второй ключ в ночь пожара? — спросила Вера.

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Не обязаны, — согласилась она. — Но тогда и мы не обязаны считать ваши объяснения полными.

Краев резко посмотрел на неё. На секунду в его лице мелькнуло что-то почти испуганное, но исчезло прежде, чем Вера успела решить, что именно увидела.

— В той ночи было много ключей, — сказал он. — Дежурные, пожарные, архивисты. Люди таскали коробки. Никто не проверял, кто что держит в руках.

— Вы знали, что часть архива вывозили не по ведомости? — спросил Арсений.

— Я знаю, что документы спасали. В здании была вода, дым, паника. Если вы ищете аккуратный порядок там, где его не могло быть, вы ищете не правду, а виноватого.

— Мы ищем записи, — сказала Вера. — И пока что у нас есть разрыв между отчётом, квитанциями и журналом. Ещё есть подпись на нынешней дате и отсутствующая часть страницы.

Краев посмотрел на неё внимательнее.

— Какой подписи?

Нина подняла лист.

— Вы не знаете?

— Нет.

— Тогда почему вы пришли сегодня?

— Потому что мне сказали, что книгу нашли.

Слова повисли в тесном пролёте. Матвей тихо выругался.

Вера не стала спрашивать, кто сказал. Это был бы вопрос без ответа, который Краев мог бы выбрать сам. Вместо этого она посмотрела на его папку.

— Вы принесли документы?

— Личные бумаги.

— Тогда оставьте их при себе. Но мы попросим полицию записать, что вы появились после обнаружения книги и знали, что её нашли.

— Записывайте что хотите.

Краев повернулся к лестнице.

— Подождите, — сказала Нина.

Он замер, не оборачиваясь.

Она медленно спустилась на ступень ниже.

— В тот вечер вы сказали мне, что Михаил ушёл через технический переход. Я запомнила эти слова. Сегодня я пишу их в объяснении. Не как доказанный факт, а как то, что слышала от вас. Если ошиблась — скажете это полиции.

Краев обернулся. На этот раз он смотрел не на Веру, а на Нину.

— Вы меня неправильно поняли.

— Возможно. Поэтому я и записываю точно.

Вера увидела, как Нина взглянула на свой лист, словно проверяла, не дрожит ли почерк. Раньше она бы убрала бумагу, лишь бы не вызвать чужой гнев. Теперь не убрала.

Краев поднялся на одну ступень.

— Я не буду разговаривать без адвоката.

— Это ваше право, — сказала Лада. — Я его защищу, если вы обратитесь ко мне. Но ваши документы никто не забирает.

Он задержался, будто хотел возразить, затем ушёл наверх. Шаги стихли у подъездной двери.

Матвей посмотрел на сестру.

— Теперь он знает, что мы нашли страницу.

— Он знал и раньше, — сказала Вера. — Просто мы не понимали, насколько точно.

Арсений снова осмотрел след на косяке.

— И теперь мы знаем, что Краев подтверждает визит, но отрицает встречу с Михаилом. Это отдельный факт. Никакой версии пока не подтверждает.

Нина подняла лист, проверила подпись и передала его Ладе.

— Заберите. Я сама останусь с копией.

Вера не стала возражать. Лада сфотографировала обе стороны, а оригинал вложила в папку для последующей передачи полиции. Нина отступила к лестнице.

— Я допишу всё про тот вечер, пока помню. Даже если это выставит меня дурой.

— Это не сделает вас дурой, — сказала Вера.

— Не решайте за меня, что это сделает.

Вера замолчала. Нина была права, и от этого Вере стало неловко сильнее, чем от любого упрёка.

— Хорошо, — сказала она. — Решите сами.

Нина кивнула и пошла наверх, унося с собой ручку и чистые листы. Вера задержалась у подвальной двери. Вмятина на косяке оставалась всего лишь вмятиной, но теперь рядом с ней стояли слова, сказанные при свидетелях, и фамилия человека, который пришёл слишком скоро.

Арсений выключил фонарь.

— До приезда полиции ничего больше не трогаем.

— Согласна, — сказала Вера.

Матвей протянул ей термос. Она наконец открыла пакет с завтраком; внутри лежал ещё тёплый пирожок, смятый с одного края.

— Ты всегда выбираешь момент, когда нельзя спокойно поесть, — сказал он.

— А ты всегда приносишь еду, когда я уже забыла, что голодна.

— Значит, в этом ремонте есть практический смысл.

Вера откусила, не чувствуя почти ничего, кроме тепла теста. Наверху Нина снова склонилась над бумагой. Под лестницей скрывалась щитовая, за ней — старая шахта, и где-то в доме оставалась вторая половина страницы. Но теперь никто не должен был решать за другого, что именно следует спрятать ради его же блага.

Нина села за стол, придвинула лист и долго держала ручку над бумагой. Чернила собрались на самом кончике, готовые сорваться кляксой.

— Начните с того, что помните сами, — сказала Лада. — Не с того, что теперь кажется важным.

— А если я помню только то, что мне велели запомнить?

— Так и напишите.

Нина посмотрела на неё с недоверием, но кивнула. Вера не стала стоять за спиной. Она взяла фонарь, и Арсений молча пошёл с ней к подвальной двери. Матвей задержался у стола.

— Если что-то увидите, не трогайте, — предупредил он.

— Помним, — отозвалась Вера.

— Я не тебе. Арсению.

— Я тоже помню, — сказал Арсений.

Под дверью пахло мокрым бетоном и нагретой пылью. Капля сорвалась из трубы, ударилась о жестяной поддон и прозвучала в тишине так громко, будто в глубине кто-то щёлкнул выключателем. Вера направила фонарь на косяк. Круглая вмятина, которую Вера заметила раньше, была старая: по краям успела выступить тёмная ржавчина. А вот рядом, чуть ниже, виднелась свежая царапина — узкая, почти прямая. На металле остался светлый след.

— Это не от ключа, — сказал Арсений.

Он не коснулся царапины, только поднёс к ней фонарь. Свет выхватил крошечную заусеницу и мелкую полоску серого налёта.

— Когда ты последний раз открывал щитовую? — спросила Вера.

— Вчера, чтобы проверить течь. Бирки на дверце тогда не было.

Матвей подошёл ближе и наклонился, не переступая порог подвального коридора.

— Я видел её утром. На щитке, справа. Не трогал, потому что думал, инвентарная.

— Утром какого дня? — спросила Лада из-за их спин.

— Сегодня. До того, как пришёл Арсений.

Вера повернулась к нему.

— Почему не сказал сразу?

— Потому что не знал, что это важно. И потому что вы оба уже смотрели на меня так, словно я мог открыть стену и достать оттуда страницу.

Он произнёс это без злости, но Вера почувствовала, как слова задевают именно потому, что в них была правда.

— Я не считаю, что ты что-то спрятал, — сказала она.

— Но проверяешь.

— Проверяю всё.

— Включая меня?

Вера хотела ответить, что это разные вещи, но вовремя услышала в собственном голосе готовое оправдание. Она посмотрела на брата, на его рукав с машинным маслом, на потрескавшуюся кожу у ногтя, испачканного герметиком.

— Да, — сказала она. — И это несправедливо. Я проверяю тебя не потому, что подозреваю. Я боюсь, что опять не замечу чего-то важного.

Матвей выпрямился. На его лице не появилось облегчения, зато ушло ожидание ссоры.

— Вот это уже похоже на разговор, — сказал он. — Только в следующий раз можно начать с него.

Арсений убрал фонарь от двери.

— Пока мы не знаем, кто снял бирку и когда. Матвей видел её утром. Царапина появилась, вероятно, позже, но без осмотра нельзя утверждать. Нужны снимки, масштаб и фиксация положения.

Лада вернулась за фотоаппаратом. Пока она снимала косяк, Вера держала рядом линейку, не приближая её к металлу. Матвей показал на след от крепления: два крошечных отверстия в дверце щитка, одно из них было шире другого.

— Бирка держалась на проволоке, — сказал он. — Не на винтах. Я не знаю, была ли там пломба.

— Кто мог подойти к щитовой? — спросила Лада.

— Любой с ключом от подвала, — ответил Матвей. — У меня свой. У Нины Савельевны тоже. У Арсения есть временный, который выдали для осмотра. Ещё ключ у техника управляющей компании.

— Значит, доступ был у нескольких человек, — подытожила Лада. — И это пока ничего не говорит о том, кто снял бирку.

Из комнаты донёсся шелест листа. Нина начала писать. Вера слышала, как та останавливается, снова проводит пером по строке, зачеркивает и продолжает. Ей хотелось вернуться и прочесть написанное, но она не пошла.

— Я могу проверить, есть ли копии журнала осмотров щитовой, — сказал Матвей. — У управляющей компании. Не сегодня, они уже закрыты.

— Попроси, чтобы подготовили, — сказала Лада. — Официально, письменно. И сам ничего не фотографируй без свидетеля.

— Я умею соблюдать процедуры.

— Знаю. Поэтому и прошу тебя, а не запрещаю.

Матвей кивнул. Это было небольшое изменение, почти незаметное, но Вера уловила его: он не стал спорить о том, что ему доверяют не до конца, и всё же согласился помочь на собственных условиях.

Когда они вернулись, Нина уже отложила ручку. На листе лежали короткие строки, написанные тесно и неровно. Она прикрыла их ладонью.

— Я пока не готова отдавать.

— Тогда не отдавайте, — сказала Лада. — Но сфотографировать можете сами, если решите сохранить копию.

Нина взглянула на Веру.

— Ты не спросишь, что я написала?

— Нет. Это ваше свидетельство.

Нина чуть заметно сжала губы, словно хотела проверить, не скрывается ли за ответом обида. Потом сложила лист вдвое и убрала в карман кардигана.

— Дополнение напишу дома, начисто. И подпишу. Но новых выводов о Краеве не делайте, пока я не объясню, что именно видела.

— Не будем, — ответила Лада. — Подписанное объяснение остаётся у меня для передачи полиции. Дополнение передадим отдельно.

Зоя Дмитриевна сидела у окна, обеими руками обхватив чашку. Она не пила. Когда Вера подошла, старуха подняла глаза.

— Вы говорили, что репетировали двадцать лет, — напомнила Вера.

— Говорила.

— Что именно вы помните о передаче?

Зоя посмотрела на Нину, затем на Ладу. Только после их кивков заговорила:

— Не ящики. Один лист. Его вынули из книги, а потом положили на стол у щитовой. Там был человек, которого я не узнала. Нина сказала, что это временно.

Нина побледнела, но не перебила.

— Вы видели, кто держал лист? — спросила Лада.

— Видела руку. На пальце было кольцо с квадратным камнем. Самого лица — нет. Он стоял спиной, а в коридоре свет мигал.

— Вы уверены, что это произошло в ту ночь?

— Нет, — сказала Зоя Дмитриевна. — Я уверена только в руке и кольце. В ту ночь я видела человека у двери. А когда именно он положил лист на стол, не помню. Может, раньше. Может, позже. Двадцать лет — не доказательство.

Арсений раскрыл блокнот.

— Это важно. Мы запишем именно так: вы помните кольцо и руку, но не можете точно связать этот эпизод с датой пожара.

— Записывайте. Я устала от людей, которые делают из моей памяти то, чего им не хватает в бумагах.

Вера посмотрела на ладонь Нины, всё ещё лежавшую поверх кармана с запиской. Подтверждение было неполным, но теперь существовала ещё одна деталь, которую можно было проверить без догадок: кто из жильцов или работников носил кольцо с квадратным камнем и имел доступ к подвальной двери.

Лада закрыла папку.

— На сегодня хватит. Фотографии сохраню с отметкой времени. Завтра подам запрос по журналам и попрошу зарегистрировать заявление о найденной странице. Никаких самостоятельных обысков.

— А вторую половину? — спросил Матвей.

— Ищем только там, куда имеем законный доступ, — ответила Лада. — Иначе вместо доказательства получим повод спорить о том, как оно найдено.

На улице уже темнело. Вера вышла последней и задержалась у подъезда. Она смотрела на окно пятого этажа, где картон заслонял комнату, а не на пустоту за ним. Завтра нужно было вернуться к документам, запросить журналы и дождаться, пока Нина решит, что готова отдать написанное. Сегодня они не нашли человека с кольцом и не установили, кто снял бирку. Зато впервые за весь день никто не попросил Веру решить за остальных, что им следует рассказать.

Глава 3. Комната шестого вечера

Утром Вера пришла на Дворечную. Ночной снег успел подтаять, и двор был испещрён следами: у крыльца, под окнами первого этажа, возле мусорных баков. Она остановилась у калитки и посмотрела на дом. На пятом этаже картон в окне чуть отогнулся, будто кто-то приоткрыл его изнутри.

Вера знала, что это сквозняк. Знала — и всё равно задержала взгляд.

— Ты сегодня решила обойтись без завтрака? — спросил Матвей.

Он стоял у подъезда с термосом и бумажным пакетом. На рукаве куртки темнела полоса машинного масла.

— Решила сначала проверить архив.

— Значит, без завтрака, — заключил он и протянул ей пакет.

Вера взяла его, но не заглянула внутрь.

— Ты по делу?

— По ремонту. В подвале снова капает у щитовой. Я хотел предупредить, пока нас не обвинили в том, что мы там что-нибудь спрятали.

Последнее слово прозвучало легко, но взгляд Матвея скользнул к ней и тут же ушёл. Вера подумала о письме Михаила и о фотографии, где он стоял у грузовика с архивными коробками. Подумала — и не стала спрашивать брата, что он знает. Не потому, что боялась ответа. Потому что пока не имела права требовать его.

Арсений и Нина Савельевна появились вместе. Нина несла связку ключей, а Арсений — прозрачные папки для документов. Он поздоровался с Матвеем, без привычной осторожности, и коротко рассказал, что они собираются проверить квитанционные номера. Когда Вера упомянула, что ещё хочет найти жильца, не внесённого в итоговый список, Нина замерла.

— В какой квартире? — спросила она.

— Пока не знаю.

Нина сжала ключи так, что один упёрся ей в ладонь.

— В старой описи есть квартира без номера. Указана как комната у шахты. Я думала, её давно разобрали.

— Почему вы об этом не сказали вчера?

— Потому что вчера я уже сказала достаточно не того.

Арсений не торопил её. Вера заметила, что Нина смотрит не на них, а на стеклянную дверь подъезда. За мутным стеклом темнел коридор, который вчера удержал их внутри на несколько минут. Дверь теперь стояла приоткрытой.

— Покажите опись, — сказала Вера.

В комнате домоуправа пахло бумагой, пылью и остывшим чаем. Нина достала из шкафа толстую книгу учёта, открыла на середине и провела пальцем по строкам. Вера наклонилась над страницей. Между записями о жильцах второго подъезда, в графе примечаний, кто-то выдавил карандашом: «вечерняя комната, ключ у дежурного». Ни фамилии, ни номера. В соседней строке значилось: «снят с баланса 2005, после проверки».

— Это может быть кладовая, — сказал Матвей.

— Может, — согласилась Вера. — Но почему в журнале жильцов?

Нина закрыла книгу не сразу.

— Когда-то там ночевал человек, который помогал разбирать архив после пожара. Я не помню его фамилии. Помню только, что он приходил вечером и уходил до обхода.

— Вы его видели?

— Несколько раз. Он не жил здесь. Так мне говорили.

— Кто говорил?

Нина посмотрела на Веру.

— Михаил.

Повисшая тишина стала плотной. Арсений переложил папку из руки в руку.

— У вас есть документ, который подтверждает, что Михаил работал здесь после пожара?

— Нет, — ответила Нина. — Есть мои воспоминания. И это не одно и то же.

Вера ощутила, как в ней поднимается знакомое желание: взять сказанное, немедленно превратить в направление, а направление — в вывод. Она заставила себя перевести взгляд на страницу. Карандашная запись была смазана, но оставалась читаемой. Это было больше, чем память, и меньше, чем доказательство.

— Пойдёмте к комнате, — сказала она. — Только ничего не вскрываем, пока не зафиксируем, что именно нашли.

Ключ у Нины оказался старый, с узкой бородкой. Он подошёл к двери за лестничной площадкой первого этажа, которую Вера прежде принимала за шкаф электрика. Замок повернулся со скрипом. За дверью тянулся тесный проход, отделённый от подъезда кирпичной стеной. В конце стояла ещё одна дверь; над ней проступал след от снятой таблички.

— Вот откуда можно было попасть к шахте, — сказал Арсений.

Он не стал касаться стены. Посветил фонарём вдоль пола, где между серой пылью и песком виднелись свежие царапины. Вера присела, не переступая порог.

— Здесь недавно что-то двигали.

Матвей достал телефон, но Вера остановила его жестом.

— Сначала общий кадр. Потом детали. Не трогай следы.

Он посмотрел на неё, затем молча сделал снимок из коридора.

Внутри оказалось пусто: полки, обломок линолеума, выведенная из стены труба. На дальней стене оставался прямоугольник светлой краски. Вера уже собиралась отойти, когда за трубой заметила край бумаги. Он был плотно зажат между стеной и металлическим кронштейном.

— Там что-то есть, — сказала она.

Арсений наклонился, осветил находку.

— Похоже на конверт.

Нина Савельевна придвинулась к двери, но за порог не переступила. На её лице проступил испуг, который она не сумела скрыть.

— В этой комнате раньше был дежурный стол, — произнесла она. — Я думала, его вынесли после проверки.

Вера оглянулась.

— Вы не помните, что здесь хранили?

— Помню, что Михаил запретил мне убирать запечатанный вечерний журнал.

Арсений опустил фонарь. Никто не спросил, почему Нина вспомнила это только сейчас. Она и сама, кажется, ждала вопроса — и готовилась его выдержать.

Вера достала из папки чистый лист и положила на пол у порога, чтобы отметить место находки. Конверт был пожелтевший, края его потемнели от сырости. На клапане сохранилась печать, а поверх неё — короткая надпись синими чернилами: «Открыть после последнего обхода».

— Это мог написать кто угодно, — сказала Вера, скорее себе, чем остальным.

— Да, — ответил Арсений. — Поэтому сначала зафиксируем, где он лежал, и выясним, кто ещё мог иметь доступ.

В коридоре за их спинами хлопнула дверь подъезда. Нина вздрогнула. Матвей обернулся, но проход за ними был пуст.

Вера подняла телефон и сняла конверт с разных сторон, не касаясь его. Потом посмотрела на брата.

— Ты говорил, в подвале капает у щитовой. Это рядом с лестницей?

— Через стену. А что?

— Пока ничего. Только никому не говори, что мы нашли.

Матвей нахмурился.

— Ты опять решила за всех?

Вера медленно опустила телефон.

— Нет. Я прошу: не распространяй это, пока мы не разберёмся, что именно перед нами. Если не хочешь — скажи.

Матвей несколько секунд смотрел на неё. Потом кивнул.

— До вечера молчу. Но если там окажется что-то опасное, жильцам нужно знать.

— Согласна.

Арсений перевёл взгляд с Веры на Матвея и ничего не добавил. Нина Савельевна осталась у двери, будто за ней, в коридоре, ей было легче дышать.

Из старого прохода тянуло сыростью. Конверт лежал в пыли запечатанный, а надпись на нём обещала не ответ, а новый вопрос: кто в доме назначал последний обход — и кого ждал после него.

Распечатывать решили не в комнате, где нашли конверт, а на кухне у Нины Савельевны: там был ровный свет, стол без щелей и достаточно места, чтобы разложить лист, не сдвигая его с места. Вера настояла, чтобы Нина осталась. Не как обвиняемая — как свидетель, который знает дом лучше всех.

Арсений протёр лезвие салфеткой, положил конверт на чистый лист и провёл по клапану тонкой линией, стараясь не задеть печать.

— Если внутри что-то хрупкое, — сказал он, — сразу отойдите. Матвей, снимай сверху, чтобы был виден сгиб.

Матвей поднял телефон. Вера стояла рядом, сложив руки на груди, и слышала, как в настенных часах тяжело, с натугой, двигается минутная стрелка.

Клапан поддался с тихим шорохом. Из конверта выскользнули два предмета: сложенный вчетверо лист в клетку и плоская латунная пластинка размером с ноготь, с двумя продавленными буквами и цифрой.

— «ТП-2», — прочитала Вера. — Технический переход, второй?

Нина Савельевна прикрыла глаза.

— У нас один переход, — сказала она. — Но ключи от него всегда нумеровали отдельно. Чтобы не путать с подвальными.

Арсений перевернул пластинку пинцетом. На обороте, почти стёртая, осталась царапина — не буква, не цифра, скорее след от крепления.

— Бирок было две, — добавила Нина, не дожидаясь вопроса. — Одна висела на щитке, вторую выдавали дежурному. Если вторая здесь, значит, её сняли.

Вера развернула лист. Это была страница вечернего журнала: графы, отчерченные от руки, время, короткие записи. Бумага пожелтела неравномерно — в верхней части сильнее.

— Читай вслух, — попросил Матвей.

Она прочла:

«18.40 — обход первого подъезда. Тихо. 19.20 — второй подъезд, кв. 9, свет в коридоре, дверь закрыта. 21.10 — щитовая, вода на полу, вытереть. 22.40 — последний обход. Подвал. Ключ у...»

Дальше строка обрывалась. Ниже, уже другим почерком, более резким и мелким, было дописано: «Проверить переход. Не один».

Вера подняла глаза.

— Чей это почерк?

Нина молчала так долго, что часы успели сделать ещё один шаг.

— Первый — его, — сказала она наконец. — Он вёл журнал ровно, каждую смену. А приписка... я не знаю. Я вижу её впервые.

— Вы сказали, Михаил запретил вам убирать журнал, — напомнил Арсений. — Значит, вы знали, что он существует.

— Знала, что существует. Не знала, что он здесь.

Вера обвела взглядом кухню: клеёнка в мелкий цветок, банка с крупой, полотенце с вышитой каймой. Обычная комната, в которой слишком долго молчали.

— Нина Савельевна, — сказала она. — Я не буду требовать, чтобы вы вспомнили всё сразу. Но если вы знаете, чья это квартира, скажите сейчас. Потом будет хуже.

Нина вытерла ладони о фартук.

— Квартира шестнадцать. Там жил он. Тот, кого не внесли в список.

В дверь постучали.

Все четверо вздрогнули одинаково. Матвей первым шагнул в коридор, выглянул в глазок и обернулся:

— Зоя Дмитриевна. С первого этажа.

Она вошла, не снимая пухового платка, и сразу посмотрела на стол — на конверт, на лист, на латунную пластинку. Старая женщина держалась прямо, но пальцы у неё мелко дрожали.

— Я видела, как вы туда ходили, — сказала она Вере. — И решила, что больше молчать не стану. Я и так молчала двадцать лет.

— Проходите, — Вера пододвинула стул. — Расскажите по порядку.

Зоя Дмитриевна села, не расстёгивая платок.

— В тот вечер я возвращалась из аптеки. Уже стемнело. Он стоял у подвальной двери, держал коробку. Не большую, но тяжёлую — держал обеими руками, низко. Я ещё спросила: помочь? А он сказал: не надо, Зоя, я сейчас вернусь.

— Во сколько это было? — спросил Арсений.

— Часы на кухне показывали без пяти одиннадцать. Я запомнила, потому что сериал начинался в одиннадцать, а я боялась опоздать.

Вера посмотрела на страницу. Двадцать два сорок. Без пяти одиннадцать — двадцать два пятьдесят пять.

— Вы кому-нибудь говорили? — спросила она.

— Нине Савельевне. На следующее утро.

Нина не подняла головы.

— И что она вам ответила?

— Сказала: «Зоя, не надо. Его и так нет в списках. Если вы начнёте рассказывать, у семьи заберут квартиру». — Зоя Дмитриевна наконец посмотрела на домоуправа. — Я поверила. У меня тогда внук болел, мне казалось, что любое лишнее слово — это беда. А потом привыкла.

В кухне стало тихо. Вера чувствовала, как внутри поднимается гнев — ровный, холодный, — и заставила себя дышать медленнее. Она не имела права превращать чужой страх в обвинение. Но и оставлять это как есть не могла.

— Нина Савельевна, — сказала она. — Вы понимаете, что именно вы скрыли?

— Понимаю, — ответила та. Голос у неё был сухой. — Я не знала, что он нёс. Я испугалась. И ещё... — Она запнулась. — Я думала, что если никто не начнёт искать, то и не найдёт ничего такого, за что у нас отберут дом.

Арсений отложил пинцет.

— В отчёте о пожаре сказано, что эвакуацию завершили в двадцать один пятьдесят. А в журнале последний обход — двадцать два сорок. И соседка видит его у подвала в двадцать два пятьдесят пять. Одно из трёх: отчёт неточен, время в журнале поставлено задним числом, или обход был не эвакуацией, а передачей.

— Передачей чего? — спросил Матвей.

— Вот это и надо выяснить. — Арсений посмотрел на латунную пластинку. — И где вторая половина страницы.

Вера взяла лист за уголки и подняла к свету. На линии обрыва виднелись неровные волокна: бумагу не отрезали, а вырвали.

— Вторая половина была здесь, — сказала она. — Кто-то забрал её раньше нас. И, судя по пыли, недавно.

Нина Савельевна встала.

— Я напишу, — сказала она вдруг. — Всё, что помню. Числами, как было. И подпишу. Хватит.

Вера не стала её подгонять. Она достала из папки чистый лист и положила перед ней.

— Пишите. А мы пока сходим к подвальной двери. Если бирка снята с щитка, на креплении должна остаться вмятина. — Она обернулась к Зое Дмитриевне. — Вы сможете повторить свой рассказ при свидетелях? Не сейчас. Когда будет нужно.

— Смогу, — сказала старуха. — Я двадцать лет репетировала.

Полицейские остановились у порога, не заходя дальше, пока Арсений не показал удостоверение и не назвал себя. Один из них, высокий мужчина в форменной куртке, оглядел коридор; его напарница сразу заметила промасленную ткань на столе.

— Кто обнаружил папку?

— Я, — ответила Вера. — В техническом помещении за огнеупорной дверью. До полиции ничего не трогали, кроме полотна, которое пришлось открыть. Все, кто заходил, перечислены в записи.

Она протянула телефон. Сотрудница приняла его осторожно, не касаясь экрана, и уточнила, можно ли переслать файл на служебный адрес. Лада назвала номер своего заявления и предупредила, что оригиналы документов принадлежат разным владельцам и учреждениям.

Говорила она ровно, без нажима, но каждый раз, когда полицейский пытался объединить находки в одну удобную историю, возвращала разговор к точным обстоятельствам.

— Следы у двери, снятая маркировка, папка с актом, — перечислил высокий. — Вы полагаете, что кто-то проник сюда сегодня?

— Мы полагаем, что дверь открывали недавно, — сказал Арсений. — Это не одно и то же. Время должен установить осмотр.

— А кто мог открыть?

Нина Савельевна крепче сжала ключи. Вера заметила, как та взглянула на латунную царапину у косяка, и поняла: Нина уже перебирала в уме людей, которым когда-либо выдавала запасные ключи.

— Пока неизвестно, — сказала Вера прежде, чем домоуправ успела заговорить. — У нас нет основания называть чьё-то имя.

Полицейский посмотрел на неё, словно ожидал продолжения, но Лада подхватила:

— И не будет. Сначала осмотр, потом запросы по доступу и документам. Свидетельские показания отдельно от предположений.

Сотрудница попросила всех отойти от двери. Матвей хотел возразить, но задержал взгляд на сестре и молча отступил. Он вынул из кармана рабочие перчатки и, будто вспомнив, что уже не на стройке, убрал их обратно.

Пока полицейские фотографировали замок и косяк, Арсений объяснял, где лежала папка и каким образом они заметили её. Он не пытался представить себя хозяином расследования. Когда сотрудница спросила, почему они вообще полезли в технический проход, он ответил прямо: искали место, где могла находиться вторая половина вырванной страницы вечернего журнала. Про папку никто не знал.

Вера увидела, как после этих слов Лада чуть повернула голову. Не укоризненно — напоминание было адресовано всем. Они пришли сюда не с разрешением на обыск, а с необходимостью проверить следы, которые уже нашли у подвальной двери. Теперь каждый шаг должен был выдержать чужой вопрос.

— Вы можете подтвердить, что вход в помещение был доступен? — спросила сотрудница у Нины.

— Ключом — нет, — сказала Нина. — По крайней мере, моим. Замок поменяли без моего ведома. Я думала, проход заварен после пожара.

— А вы помните, когда в последний раз видели эту дверь открытой?

Нина помолчала.

— В две тысячи четвёртом. Не здесь, в старом корпусе. Тогда мы выносили коробки. После пожара часть архива вернули, часть увезли. А потом пришли описи — уже готовые. Я не проверила каждую строку.

— Почему?

— Потому что у людей не было квартир. Им было важнее знать, где спать, чем в каком ящике числится их свидетельство. — Она перевела дыхание. — Я говорила себе, что потом разберусь. Потом растянулось на двадцать лет.

Сотрудник полиции записал её слова. Нина не отвела глаз от блокнота, хотя рука, державшая ключи, подрагивала.

Вера посмотрела на папку. На видимой строке карандашный след был тонким, почти стёртым, словно писавший не хотел продавить бумагу. Она не могла прочесть продолжение, не коснувшись листа, а трогать его теперь не позволяли. Всё, что она знала, — акт обнаружен в скрытом проходе, не включён в муниципальную опись и явно связан с эвакуацией архива. Этого хватало, чтобы объяснить интерес к папке, но не намерения того, кто её оставил.

Полицейская закончила съёмку и надела перчатки.

— Упаковку и изъятие оформим отдельно. Пока мне нужно понять, кому принадлежит помещение и кто здесь распоряжается доступом.

— Право управления домом у меня, — сказала Вера. — Собственность на документы это не меняет. Если нужно, я предоставлю нотариальные бумаги.

— Предоставьте. И список людей, у которых были ключи.

Нина Савельевна опустила голову. Матвей глянул на неё, но ничего не сказал. Вера почувствовала соблазн ответить за неё: назвать старые фамилии, перечислить тех, кому доверяли до пожара. Остановила себя. Нина должна была сама решить, какие сведения передавать, и сама отвечать за то, что умолчала.

— Список составим, — сказала Вера. — Вместе с Ниной Савельевной. Но сначала сверим, что в нём основано на записях, а что только на памяти.

— Хорошо, — отозвалась полицейская. — Только не затягивайте. Если кто-то вернётся за тем, что здесь оставил, это важно.

Арсений посмотрел на входную дверь. Красные отблески с улицы уже исчезли, но за стеклом двигались силуэты — жильцы собрались в подъезде, привлечённые машиной и голосами. Лада вышла к ним, чтобы объяснить, что в доме работают сотрудники полиции и пока никто не может входить в техническое помещение. Она не обещала жильцам скорого ответа и не называла виновных.

Пока ждали упаковку, Арсений отозвал Веру к окну.

— Я сегодня должен был остановить вас у двери.

— Ты предупредил, что туда нельзя идти без фиксации.

— И всё равно пошёл первым.

— Потому что мы услышали звук из прохода.

Он коротко кивнул. Не оправдывался.

— Если опять услышишь что-то похожее, сначала позовёшь меня?

— Если ты будешь рядом.

— Я буду.

Вера не ответила сразу. В его голосе не было обещания, которое он не мог выполнить; только решение, принятое на ближайший шаг. Она вдруг поняла, что всё утро ждала от него не защиты, а согласия не отнимать у неё право самой выбирать. И именно это делало его слова весомее.

— Тогда я позову, — сказала она.

Полицейские начали упаковывать папку. Сотрудница зафиксировала положение ткани, отдельно сняла маркировку с металлической пластины и продиктовала номер каждому пакету. Когда папку подняли, на столе остался светлый прямоугольник среди слоя строительной пыли. В этом чистом пятне не было ничего сверхъестественного — только знак, что кто-то положил её сюда не так давно и рассчитывал, что её найдут.

Но почему рассчитывал именно на них, пока никто не знал. И откуда у этого человека взялся акт, которого не было в описи, тоже.

У входа в помещение полицейская остановилась.

— Завтра мы запросим муниципальные материалы по эвакуации. До тех пор ничего здесь не переставлять. Дверь опечатаем.

— А если это проход к жильцам? — спросил Матвей.

— Тогда ограничение будет только на техническую часть. Никого выселять или лишать доступа к своей квартире мы не собираемся.

Лада, вернувшись из коридора, услышала последние слова.

— Запишите это в протокол, — попросила она. — Чтобы потом не возникло разных толкований.

Сотрудница не возразила и внесла уточнение.

Когда дверь опечатали, Нина Савельевна осталась стоять перед ней. Связка ключей лежала в её раскрытой ладони. Один из них был старым, потемневшим; второй — новый, с синей пластиковой головкой. Нина повернула его, разглядывая царапину на металле.

— Я выдам вам список завтра, — сказала она Вере. — И не только тех, кто брал ключи. Тех, кому я не выдала, тоже запишу. Я много лет была уверена, что это одно и то же.

Вера не стала обещать, что список всё исправит.

— Завтра разберёмся, что именно он подтверждает.

Нина кивнула, будто это был ответ, которого она боялась и которого ждала.

За дверью подъезда спорили жильцы. Лада уже объясняла им, что расследование не меняет их прав на квартиры. Матвей молча убирал инструменты в коробку, и по тому, как осторожно он защёлкнул крышку, Вера поняла: он больше не считал эту историю очередной затеей, которую сестра бросит на него в последний момент.

Папку увезли вместе с остальными предметами, а опечатанная дверь осталась под светом лампы. Теперь у них был документ, принятый полицией, и обещание направить официальный запрос к архиву; старый разговор Зои Дмитриевны тоже предстояло оформить так, чтобы её память не стала удобной заменой доказательствам. Но вместе с этим появилась новая обязанность: выяснить, кто знал о скрытом проходе и почему решил опередить их.

Вера посмотрела на Нину.

— Завтра начнём со списка.

— Нет, — сказала Нина. — С того, что я помню. Список я составлю после.

Она убрала ключи в карман и первой пошла к лестнице. На этот раз Вера не стала идти за ней, чтобы удержать или расспросить: дала ей несколько шагов форы, а потом двинулась следом.

Несколькими часами раньше, когда полицейские только вошли в подъезд, в коридоре сразу стало теснее. Сотрудники не торопились проходить дальше: один осматривал мокрые следы у порога, второй спросил, кто вызвал наряд и кто первым обнаружил папку. Арсений коротко ответил, не подменяя точность уверенностью. Назвал время, перечислил присутствовавших и показал на дверь технического помещения.

— К папке не прикасались? — спросил старший.

— Нет, — сказала Вера. — Трогали только полотно, которое пришлось открыть.

Полицейский записал её слова и попросил каждого по очереди назвать, где он стоял. Вопросы были простыми, почти будничными, но от них собственные движения вдруг стали казаться Вере неразборчивыми. Она старалась не додумывать: когда увидела ткань, когда Матвей опустился на ступеньку, когда Лада убрала телефон. Точность не делала случившееся понятнее, зато оставляла меньше места для чужой версии.

Один из сотрудников заметил латунный держатель на косяке и подошёл ближе, не касаясь металла.

— Его тоже не трогаем, — сказал Арсений. — Возможно, на креплении остались следы инструмента.

— Вы эксперт?

— Специалист по причинам пожаров. Здесь я только присутствующий и свидетель. Осмотр проводите вы.

Полицейский чуть кивнул, словно оценил ответ, и попросил Матвея показать, где тот заметил следы обуви. Матвей указал на разровненную пыль у порога, но не стал снова приседать.

— На снимках останется, — сказал он. — Я уже снял с нескольких углов, пока ждал вас.

Лада тут же уточнила, что фотографии сделаны до приезда полиции, но после того, как место обнаружили. Она назвала время и показала исходные файлы, не пересылая их в мессенджер. Сотрудник попросил телефон для копирования. Лада согласилась, но сначала вслух

продиктовала, какие именно снимки передаёт, а какие относятся к документам жильцов и к этому осмотру не имеют отношения.

— Правильно, — произнёс он. — Передавайте только относящееся к делу.

Вера посмотрела на Ладу. Та не ловила её взгляд, продолжая объяснять порядок передачи. Никакой торжественности в её голосе не было, только привычная твёрдость человека, которому приходилось заранее закрывать те лазейки, через которые чужие ошибки становились чужой виной.

Нина Савельевна всё ещё стояла у стены. Связка ключей не звякала: она крепко сжала её в кулаке. Вера заметила, как Нина смотрит на огнеупорную дверь не на том месте, где была выбитая маркировка, а выше, на тёмную полосу под потолком.

— Вы видели, как сюда заходили? — спросил второй сотрудник.

Нина посмотрела на него.

— Нет.

— Слышали что-нибудь?

— Может быть. — Она помедлила. — Но не сегодня.

Вера не стала спрашивать, что это значит. Нина уже обещала записать всё, что помнит. Сейчас её ответ был признанием неопределённости, не уступкой страху.

Старший полицейский заметил край промасленной ткани и остановился на безопасном расстоянии.

— Это предмет, который вы нашли?

— Да, — сказала Вера. — Под ним папка. В папке документ, которого, по словам Нины Савельевны, не было в муниципальной описи.

— Содержание документа видели?

— Только верхнюю строку: «При эвакуации хранилища обнаружено несоответствие…» Дальше не читала.

— А знаете, что именно не совпало?

— Пока нет.

Он посмотрел на Арсения.

— Вы считаете, это связано с пожаром?

— Связь возможна, но не установлена. Папка лежала рядом с замком, который, судя по состоянию, меняли. Крепление для маркировки снято. Эти обстоятельства требуют проверки, но сами по себе не объясняют ни документ, ни действия того, кто его сюда принёс.

Сотрудник перевёл взгляд на промасленную ткань.

— Тогда пока это не объясняет и преступления.

— Именно, — ответила Лада. — Но отсутствие готового вывода не отменяет необходимости зафиксировать взлом и состояние помещения.

Полицейский не спорил. Он попросил всех отойти от двери и вызвал специалиста для осмотра. Потом отдельно поговорил с каждым. Вера отвечала на те же вопросы второй раз, но иначе: теперь называла не только увиденное, но и то, чего не видела. Не знала, кто положил папку. Не знала, была ли маркировка на двери до их прихода. Не могла подтвердить, что следы у порога оставил один человек. Не считала рассказ Зои Дмитриевны доказательством присутствия какого-либо конкретного соседа.

Когда её спросили, почему она вообще оказалась в подвале, Вера взглянула на Нину.

— Мы пришли проверить доступ и осмотреть дверь по её просьбе. После обнаружения прежнего акта хотели понять, относится ли проход к общему имуществу. Теперь здесь работают полицейские, и мы в помещение больше не войдём без разрешения.

— Даже если понадобится искать вторую половину документа? — спросил полицейский.

— Даже тогда, — сказала Лада. — Сначала запросим законный доступ и согласуем действия.

Матвей тихо прислонился плечом к стене.

— Я раньше думал, что если замок новый, то достаточно его снять и посмотреть, что за ним. Удобно: сломал, а потом говоришь, что хотел помочь.

Никто не ответил. Вера увидела, что он не шутит. Он смотрел на собственные руки, испачканные серой пылью, и словно заново оценивал каждое движение, которое вчера называл простым ремонтом.

— Ты ничего не снимал, — сказала она.

— Но собирался. Если бы Арсений не остановил.

— Я бы остановил, — сказал Арсений. — Но решение всё равно было твоё.

Матвей поднял голову.

— Вот поэтому и неприятно.

Вера ощутила знакомый импульс — сказать за него, что он не виноват, смягчить, закрыть разговор прежде, чем тот станет болезненным. Она не последовала ему.

— Понимаю, — сказала она. — Но сейчас важнее, чтобы ты описал полиции, что заметил до того, как мы нашли ткань. Без выводов.

Матвей кивнул и сам подошёл к сотруднику.

У подъезда кто-то остановился. За стеклом мелькнул силуэт, затем послышался голос жильца, спрашивавшего, можно ли пройти к квартирам. Лада вышла объяснить, что ограничена только техническая часть, а жилые помещения и обычный доступ никому не перекрывают. Полицейский подтвердил это, попросив жильцов не приближаться к месту осмотра. Вера услышала спокойные ответы и поняла, что Нина больше не одна между дверью и людьми, которых боялась встревожить.

Сотрудник, осматривавший косяк, позвал коллегу. Под держателем обнаружилась тонкая свежая царапина, а на одной из старых шляпок винтов — смятый край. Пока нельзя было сказать, когда именно это появилось и каким инструментом работали, но держатель сняли не так давно: на закрытой поверхности металла сохранился узкий светлый след.

Арсений ничего не сказал. Только попросил полицейского внести наблюдение в протокол как предварительное и не связывать его с папкой до результатов осмотра.

Когда сотрудники закончили первичную фиксацию, старший объявил, что вход в подвал останется закрытым до оформления доступа и дальнейших действий. Папку они пока не забирали: её предстояло изъять вместе с тканью в присутствии специалиста, а опечатанное помещение нельзя было открывать снова без установленной процедуры.

— Кто принёс её сюда, пока неизвестно, — сказал полицейский. — И ваши предположения останутся предположениями, пока не появится подтверждение. Не связывайтесь с жильцами, которых подозреваете, и не пытайтесь сами выяснять, кому принадлежит ключ.

— Мы не будем, — ответила Вера.

Нина разжала пальцы. Ключи оставили на коже красные полосы.

— Завтра я составлю список, — сказала она. — Кому выдавала ключи, кому не выдавала, и когда меняли замок. Только теперь добавлю ещё один раздел.

— Какой? — спросила Вера.

— Что я не помню. Чтобы никто не заполнил эти места за меня.

Вера кивнула. Это был не полный список и не признание, которое сразу сводило прошлое к одной причине. Но в нём уже было решение не выдавать молчание за уверенность.

Пока полиция оформляла передачу фотографий и уточняла, кто останется доступен для разговора, Арсений стоял рядом, не касаясь её и не подталкивая к выводам. Вера заметила на его рукаве тёмную полосу от двери и хотела сказать, что ему тоже следует записать её как контактный след. Вместо этого просто указала на пятно.

— У тебя на рукаве след. Не трогай, пока не спросили.

Он посмотрел и убрал руку за спину.

— Хорошо. Спасибо.

Они обменялись коротким взглядом. Ни обещания, ни утешения в нём не было — только признание, что теперь каждый из них сможет остановить другого, не отнимая у него права решать.

Когда полицейские закончили, дверь в подвал осталась закрытой, а коридор постепенно опустел. На промасленной ткани всё ещё виднелась первая строка документа. Вера уже знала, что утром они начнут не с поисков виновного и не с обхода квартир. Сначала будут архивный запрос, список ключей и свидетельство Зои Дмитриевны, записанное так, чтобы память не изображала улику.

Красные отблески машины скользнули по стеклу и погасли, когда наряд уехал. Нина пошла к лестнице. Вера дала ей уйти первой, не задавая нового вопроса. За спиной оставались запечатанная дверь и папка перед ней, но теперь никто не притворялся, будто знает, кто её принёс.

Ранее, ещё до отъезда наряда, старший из вошедших представился и попросил всех отойти от двери. Он говорил негромко, но в тесном коридоре его голосу не требовалось усиливаться: каждый шаг и так отдавался в стенах.

Арсений сообщил, что уже внесено в предварительную фиксацию: следы у подвала, снятый держатель, папка на промасленной ткани. О металлической маркировке он упомянул отдельно, не называя её пропажу доказанным фактом.

— Хорошо, — сказал полицейский. — Сейчас ничего не трогаем. Кто обнаружил документ?

— Мы, — ответила Вера. — Но папку до нас открывали сотрудники. Всё зафиксировано.

Она показала сохранённые фотографии, а Лада добавила, что записала время и состав присутствующих. Полицейский просмотрел снимки, попросил прислать их на служебный адрес и уточнил, кто находился в подвале до приезда наряда. Вопросы были простыми, но каждый требовал отделить увиденное от услышанного и услышанное — от догадки.

Когда очередь дошла до Нины Савельевны, та вынула из кармана связку ключей.

— Этими я открывала дверь, — сказала она. — Старый ключ повернулся наполовину. Второй замок я раньше не видела.

— Вы уверены, что его не меняли при вас?

— Уверена, что не помню такого. Это не одно и то же.

Полицейский записал её слова без возражений. Нина посмотрела на Веру, будто ждала, что та назовёт это признанием, но Вера только кивнула. Пустое место в памяти нельзя было заполнять чужим ответом — даже удобным.

Матвей тем временем держался у лестницы, не приближаясь к косяку. Его лицо оставалось спокойным, только большой палец снова и снова скользил по костяшке указательного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.